

УВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН
КОММЕРСАНТ

Марина Ларина

**МНЕ ЖАЛЬ ТЕБЯ,
ИЛИ ОКЕАН
ОСТЫВШИХ ЖЕЛАНИЙ...**

ДЕТЕКТИВ

Марина Ларина

**Мне жаль тебя, или
Океан остывших желаний**

«ХАРВЕСТ»

2014

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Ларина М.

Мне жаль тебя, или Океан остывших желаний / М. Ларина —
«ХАРВЕСТ», 2014

ISBN 978-985-18-3575-7

Могла ли предположить киевская студентка Лиза Мальцева, что после ни к чему не обязывающего разговора со случайной попутчицей в купе поезда «Киев – Москва» вдруг очнется в трюме шхуны, везущей ее вместе с подругами по несчастью – проституткой Мадлен и женой олигарха Татьяной в неведомую Африку? Конечно же, не могла. Но это случилось. Правда, нападение сомалийских пиратов путает карты похитителей, но смогут ли девушки самостоятельно найти выход из создавшейся ситуации? Или, быть может, к ним на выручку уже кто-то спешит?..

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3575-7

© Ларина М., 2014
© ХАРВЕСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Марина Ларина
Мне жаль тебя, или
Океан остывших желаний

© Воронин А., 2014

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2014

Глава 1

Из всех фотографий, которые, если позволяли условия командировок, делал себе на память Алексей Градов, ему особенно дорога была одна, привезенная им в свое время из Африки. На ней даже на вид ласковые волны океана слизывали оставленную у самой кромки песчаного берега одинокую цепочку следов. Уходящие вдаль маленькие следы были детскими или, скорее всего, девичьими. В них читалась легкая, плавная поступь и неизъяснимая печаль. Именно это фото Градов поставил за стекло на полке рядом с любимыми книгами.

Осенью темнело рано, и, хотя не было еще четырех, комната уже утопала в густом лиловом сумраке. Градов поймал себя на том, что плоский черно-белый кадр вдруг обрел глубину и цвет, и он вновь ощутил горьковато-соленый привкус чуть прохладного прибрежного воздуха и живое дыхание теплого, парного океана. Та командировка к африканским берегам была первым для Алексея Градова и еще двух его однокурсников по Академии имени Фрунзе серьезным испытанием. Но они об испытаниях тогда не думали. Все они были молоды и еще не утратили интереса к новым впечатлениям и знакомствам.

Алексей пригляделся к бегущим вдоль кромки океана следам и удивился: на них отпечатались не по пять, а по шесть пальцев. То есть тот, кто оставил следы, был шестипалым. Столько лет прошло, а он только сегодня это заметил. Градов еще раз пересчитал отпечатки пальцев, и ему стало не по себе. Идиллия, воплощением которой все годы была для него эта фотография, разрушилась. Он даже забыл, какую книгу собирался взять с полки. Градов в задумчивости вынул из-за стекла фотографию и, всматриваясь в нее, вместо того, чтобы зажечь свет, подошел к незанавешенному окну. Там, на улице, промозглый туман и изморось заставляли редких прохожих натягивать капюшоны, поднимать воротники и ускорять шаг. А у него в руках был краткий миг из какой-то другой, будто и не его жизни. Там, на берегу океана, было тепло и уютно. Тогда, после выполнения задания, они провели там несколько действительно райских дней.

Градов вздохнул, взял с подоконника свою любимую глиняную трубку, и, взглядываясь в фотографию, направился на кухню, где у него в памятной серебряной табакерке был припасен отличный кубинский табак.

И тут, совсем некстати, Алексей Градов даже вздрогнул от неожиданности, кто-то позвонил в двери. Градов давно приучил всех своих друзей и знакомых предупреждать о своем возможном приезде по мобильнику. Без предварительного звонка он старался не только не открывать, но даже не подходить к двери. Ведь хотя уже миновал год, как Градов отошел от дел и уволился со службы, тайных и явных врагов у него хватало. Звонок прозвучал вновь, а затем – через некоторое время – залился длинной трелью.

Градов поставил фотографию за стекло и, стараясь ступать потише, направился в прихожую с намерением лишь глянуть в дверной глазок. На площадке стояла незнакомая ему тоненькая, насквозь продрогшая и промокшая юная барышня в пушистой, точнее, после осенней измороси, скорее, уже колючей, белой курточке с капюшоном, темно-синих джинсах в обтяжку и высоких белых сапожках. Как истинный джентльмен, Градов не смог не открыть дверь.

– Здравствуйте. Вы Алексей Дмитриевич Градов? – спросила девушка ну просто ангельским голоском.

Градов кивнул.

– Можно войти? – поинтересовалась девушка, уже переступая порог и стягивая капюшон, из-под которого, освободившись, вывалились и рассыпались по плечам светлые мелкие кудряшки.

– Вы, как мне кажется, уже вошли, – проворчал Алексей Градов, отступая в сторону. Он пожал плечами и слегка улыбнулся.

Девушка окинула хозяина оценивающим взглядом. Импозантный, почти совсем седой подтянутый мужчина под пятьдесят с аккуратно подстриженными бородкой и усами, в сером свитере и джинсах, да еще и с трубкой был похож на моряка, который только что вернулся из дальнего плавания. В таких мужчин девушки обычно влюбляются с первого взгляда. Но гостья, вместо того, чтобы смутиться и покраснеть, скептически сузила густо подведенные ярко-голубые глазки и хмыкнула.

Смутилась не девушка, смутился Градов. Он отвел взгляд и едва заметно покачал головой.

Девушка, между тем, захлопнула двери и представилась:

– Я – Лиза Мальцева из Киева. Дочь вашего давнего друга, с которым вы когда-то учились в Киевском общеобразовательном училище. Отец вам книгу передал.

Тут только Градов заметил, что она держит в руках элегантную дорожную сумку и пакет.

– И что за книга? – спросил Градов, забирая из рук гостьи и то, и другое.

– Старинная... – замялась девушка.

– Да вы не стесняйтесь, раздевайтесь и проходите на кухню, чем-нибудь горячим вас угощу, – улыбнулся Градов и поставил сумку и пакет на стул.

– Лучше чай, и погорячее... – ответила нежданная гостья.

Градов помог ей снять куртку, и, стряхнув капли влаги, повесил ее на вешалку, она, присев на стул, стащила с ног сапоги и вопросительно глянула на Градова. Тот понял намек и, нагнувшись, подал ей тапочки.

– Может, и не по размеру, зато настоящие, олени, – не удержался он от похвальбы. – Из Якутска привез.

Гостья улыбнулась и протянула ему ножки. Градов покачал головой и, не выпуская изо рта трубки, обул ей сначала одну, потом вторую ногу. При этом он поймал себя на том, что чисто машинально пересчитывает пальчики на элегантных ступнях нежданной гостьи. Пять и пять.

Та, очевидно, восприняла его пристальный взгляд как комплимент и даже слегка смутилась.

– Так как там ваш отец? – чтобы преодолеть неловкость, спросил Градов. – На службе еще или уже, как и я, на пенсии?

– Ой, а что разве бывают такие молодые пенсионеры? – кокетливо спросила девушка, так и не ответив на вопрос.

– Ладно, пойдете на кухню, будем чай пить, – пригласил ее Алексей Градов и добавил: – У меня есть отличный цейлонский чай с бергамотом. Вы любите чай с бергамотом?

– Я сейчас выпью хоть с бергамотом, хоть с бегемотом. Замерзла страшно, – поежилась девушка, проходя на кухню.

– Бегемот, надо понимать, я? – улыбнулся Градов.

– Нет, ну что вы... – пробормотала девушка, заливаясь румянцем, и, скользнув по хозяину быстрым взглядом, добавила: – Вы стройны, как кипарис. Спортом, наверное, много занимаетесь? Бегайте по утрам, фитнесом увлекаетесь?

– Есть такое, – кивнул Градов и поинтересовался: – А Геннадий Ильич, отец ваш, как, растолстел наверное?

– Не скажу чтобы очень... – замялась девушка.

– А вы где остановились? – спросил Градов, включая чайник.

– Да пока нигде, – пожала плечами девушка. – В гостиницу буду устраиваться...

– Вы не против будете, если я, пока чай заварится, закурю? – спросил Градов, доставая с полки серебряную табакерку.

– Курите, – пожала плечами девушка и добавила: – А я пока приведу себя в порядок. Где у вас ванная?

– По коридору направо, – кивнул Градов.
– Спасибо, я быстро, – сказала девушка и вдруг вспомнила: – Да, я же книжку вам привезла!

Она вернулась в прихожую и, вручая Градову пакет, извинилась:

– Простите, на улице дождь, она могла промокнуть.

– Думаю, ничего страшного, – улыбнулся Градов, ставя на стол табакерку и забирая из рук девушки пакет. – Не волнуйтесь.

– Ну, тогда я пошла приводить себя в порядок, – сказала она.

– Только вы поскорей, а то чай остынет, – напомнил Градов.

– Да, я быстро, – кивнула гостя.

Градов, между тем, достал из пакета аккуратно упакованную в бумагу увесистую книгу альбомного формата. Когда он развернул ее, то не поверил своим глазам. Это был тот самый, недостающий пятнадцатый том «Брокгауза и Эфрона», который он еще во время учебы в Киеве увидел и хотел купить в подарок своему деду, генералу в отставке и заядлому библиофилу. Теперь, после смерти деда, вся его библиотека перешла ему по наследству. А пятнадцатый том «Брокгауза и Эфрона» до сих пор он так и не купил. Градов погладил золоченые выступы на корешке переплета и будто вновь вернулся в то давнее, казалось бы, забытое время своей юности.

В тот солнечный майский день, получив заслуженную увольнительную и гуляя по городу под цветущими каштанами, они с Мальцевым зашли в один из букинистических магазинов и он, Градов, увидел выставленный на продажу пятнадцатый том «Брокгауза и Эфрона», тот самый, который безуспешно старался найти в Москве его дедушка. Цена была запредельная. Но Мальцев вспомнил о каких-то своих дальних родственниках. И они поехали к ним на окраину Киева, написали расписку с обязательством возвратить эти деньги через месяц и буквально через час, запыхавшись, вернулись в букинистический магазин. Но, увы, книгу уже продали. И вот теперь Мальцев шлет ему этот воистину царский подарок.

Градов рассеянно улыбнулся, отложил книгу и, открыв табакерку, принялся набивать трубку табаком.

– А вот и я, – сказала, появившись на пороге, гостя и, усаживаясь за стол, добавила: – И где мой чай?

– Да-да, – кивнул, откладывая трубку, Градов, – сейчас подам.

Он разлил чай в прозрачные чашки, поставил на стол сахар, корзинку с печеньем и, подавая чай госте, спросил:

– Может, вам еще бутерброды сделать? У меня есть свежий батон, масло, сыр и даже неплохая колбаска...

– Нет, я на диете! – отказалась девушка и, кивнув на книгу, поинтересовалась: – Ну, и как вам книга?

– Нет слов, – улыбнулся Градов. – Отец рассказывал вам, как мы когда-то не смогли ее купить?

– Да, что-то говорил... – пробормотала девушка. – У вас денег тогда вроде не хватило...

– Ну да... – кивнул Градов.

– Но, кажется, с тех пор вы не очень разбогатели, – вздохнула девушка. – Кроме книг у вас, как я посмотрю, считай ничего ценного нет.

– Ну, во-первых, многие книги и вовсе бесценны... – начал было Градов.

– Теперь, когда все, что нужно, можно выудить из Интернета, книги – это, простите, на любителя. Для большинства современных людей книги – мертвый капитал... – пожала плечами девушка.

– И это говорит дочь Мальцева? – удивленно улыбнулся Градов. – Вы же, как мне говорили, вроде как на журфаке учитесь?

Девушка покраснела и поспешно поднесла к губам чайную чашку.

Градов же отошел к окну и закурил.

– Да вы курите здесь, я и сама с вами покурю, – предложила девушка. – У вас еще одной трубки не найдется?

– Нет, – покачал головой Градов и улыбнулся.

– Ну, тогда я буду свои, ментоловые, – со вздохом сказала девушка и достала из сумочки сигареты.

– Интересно, и как отец с матерью смотрят на то, что вы курите? – поинтересовался Градов, щелкая зажигалкой.

– А им вообще это до фени! – махнула рукой девушка.

– До фени? – удивился Градов. – А ведь, помнится, когда-то в юности Гена, будущий ваш отец, говорил, что если у него будет дочь и она, не дай бог, закурит, он придушит ее собственными руками... Он одно время встречался с девушкой, которая много курила. И потом долго плевался: «Целовать курящую девушку – это то же, что облизывать пепельницу...»

– Ой, ну вы скажете! – покачала головой гостья, затушивая сигарету. – Меня сейчас саму вытошнит.

– Ох, извините, я как-то не подумал, – слегка смутился Градов.

Девушка же протянула руку к серебряной табакерке и поинтересовалась:

– А эта ваша табакерка... Она дорогая, наверное?

– Для меня – да, – сказал Градов и добавил: – Ее мне подарили.

– Серебро, что ли? – продолжала интересоваться, вертя в руках табакерку, гостья.

– И серебро, и золото, и рубины... Но мне она дорога, как память... – вздохнул Градов.

– Это что, правда, самые настоящие рубины? – удивилась девушка, рассматривая яркие прозрачные кроваво-красные вставки на крышке.

– Знаете, там, откуда я ее привез, цветные стекляшки найти было гораздо труднее, чем настоящие рубины, – улыбнулся Градов. – А это подарок, так сказать благодарность, за одну конфиденциальную услугу. Видите, здесь выгравирован вензель? Английские буквы «ВВ». Это значит, «Big Buffalo» – «Большой Буйвол». Так называл себя один африканец...

– Африканец? – удивилась девушка. – Он, что, по-английски говорит?

– О, это был образованный африканец. Даже, я бы сказал, слишком образованный... – пробормотал в задумчивости Градов.

– Разве можно быть слишком образованным? – удивилась гостья.

– Можно, еще как можно... Эта табакерка была для него талисманом. Он считал, что она защищает от злых духов...

– И как же он с ней расстался?

– А он заказал мастеру сделать ему точь-в-точь такую...

– Здорово... – восхитилась девушка и, ставя табакерку на стол, добавила: – Ну, мне пора. Еще в гостиницу нужно устроиться. Вы не знаете, где здесь поблизости есть недорогая гостиница?

– А зачем вам гостиница? Вы и у меня можете переночевать... – предложил Градов. – Живу я один. А места, как видите, вполне достаточно.

– Ну ладно... – тут же согласилась девушка и, повеселев, заявила: – Тогда я в душ. А то с дороги без душа просто жуть.

– Там на сушилке висит чистое полотенце... – начал было Градов.

Но гостья его перебила:

– У меня свое есть. Не волнуйтесь.

– Я вам в зале, на диване постелю, – сказал Градов.

– Вы главное простыни достаньте, а постелить я и сама смогу, – кивнула гостья.

А Градов, всматриваясь в голубоглазую, с яркobelыми крашеными кудряшками розово-щекую девушку, вдруг, вздохнув, заметил:

– Однако вы совсем не похожи на вашу мать...

– Вы знали мою мать? – удивилась девушка.

– Знал, еще как знал... – пробормотал Градов и, уже громче, добавил: – Но вы идите, идите, вы в душ, кажется, собирались...

Когда гостья вышла, он выбил из трубки пепел, снова набил ее табаком и, подойдя к окну, закурил.

Знал ли он ее мать? Знал ли он Лизу Мальцеву-старшую, тогда, в девичестве еще не Мальцеву, Гольнскую? Сам Мальцев ему такого вопроса никогда не задал бы. Градов взглянул на старинную книгу с золоченым тиснением и у него вдруг промелькнула странная мысль... А не плата ли это за то, что в свое время он, по сути, проморгал такую девушку, уступил Лизу Мальцеву?

Они с Лизой познакомились на танцах в парке. Мальцев тогда сразу же после первомайского парада уехал домой, в деревню, сажать картошку, а он, Градов, весь день гулял по праздничному Киеву. И уже перед самым салютом заметил сидящую на лавочке возле танцплощадки темноволосую девушку в нежно-розовом платье. Девушка, время от времени поглядывая на часы, как будто кого-то ждала. И он, в красивой, как ему все говорили, очень эффектно сидящей на нем праздничной форме, не удержался и несколько раз прошел возле лавочки, а потом и присел рядом с темноглазой смуглянкой, которая, похоже, так никого и не дождалась.

– Вы не хотели бы пойти со мной на салют? – спросил он с ходу.

А она лишь улыбнулась и, вздохнув, кивнула.

В тот праздничный вечер они еще долго бродили по городу, а когда Градов, проводив Лизу до ее подъезда, попытался незамеченным проскользнуть в общежитие, его, как говорится, застучали. И не миновать бы ему наказания, но назавтра Градова вызвали к начальству и, поскольку он был москвичом и отлично знал столицу тогда еще не только России, а всего Советского Союза, отправили туда в командировку. Задание было секретным, Градов никак не мог дать о себе знать не только Лизе, но даже своим родным, которые и не предполагали, что их сын находится в Москве.

А когда через пару недель Градов вернулся в Киев и с букетом белых роз появился к Лизе, ему открыл двери не кто иной, как Мальцев.

Оказалось, что Лиза, когда он назавтра не позвонил, разволновалась и сама отправилась на его поиски в училище. А поскольку Мальцев ничего вразумительного сказать ей не смог, Лиза восприняла это, как желание укрыть друга, который просто не хочет с ней встречаться. Мальцев, желая утешить и развеселить девушку, назначил ей свидание, а затем и сам того не заметил, как влюбился в Лизу. А та, которой уже не раз приходилось обманываться в чувствах эффектных молодых людей, в конце концов ответила на ухаживания невысокого, тихого, слегка угловатого деревенского парня, пусть и скромного, и не такого обходительного, как москвич Градов, зато неизбалованного женским вниманием, а значит, надежного. Была весна, и события развивались стремительно.

Явление Градова с белыми розами произошло, когда Лиза и Мальцев уже готовились к свадьбе. И с тех пор прошло более двадцати лет.

Докурив, Градов пошел в зал, разложил диван, достал из шкафа свежее постельное белье и хотел было сам постелить постель, но передумал и, положив пододеяльник, простыню и наволочки на край дивана, вернулся на кухню.

Теперь Градов мог сам себе в этом признаться: Лиза была для него не просто первой, но, возможно, единственной настоящей любовью. Он помнил взгляд ее карих, чуть раскосых глаз, легкий разлет бровей, нежную улыбку, запах ее темных густых волос... Мальцев тоже, кстати, был темноволос и темноглаз. Поэтому Градову очень странным показалось видеть их

дочь с ярко-светлыми, пусть и подкрашенными курчавыми волосами, голубыми до водянистости глазами и бледной, почти прозрачной кожей.

Тем временем гостя успела принять душ и уже в коротеньком голубом халатике и накрученном на голову полотенце заглянула на кухню.

– Устраивайтесь в зале, – улыбнулся ей Градов. – Может, вам еще чаю согреть? – предложил он.

– Нет-нет, – поспешила отказаться девушка, – я уже пойду спать.

– А вы в Москву надолго? – поинтересовался Градов.

– Не знаю, – пожалала девушка плечами. – Тут уж как получится.

– Вы, вот что, Лиза... – проговорил Градов, чуть замявшись. – Вы можете у меня жить, сколько вам надо.

– А если это «сколько надо» на всю жизнь растянется? – вдруг спросила девушка и чисто по-женски, открыто и чуть даже вызывающе посмотрела на Градова. Тот невольно смутился.

– Да не бойтесь вы, не краснейте, – хмыкнула Лиза. – Я здесь у вас задержусь от силы на день. Спокойной ночи.

Она опять хмыкнула и, выйдя из кухни, прикрыла двери.

– Спокойной ночи, – пожелал ей вслед Градов и взглянул на часы.

Еще было не совсем поздно и, возможно, стоило позвонить Мальцеву, поблагодарить его за такой действительно царский подарок. Но, когда Градов представил, что трубку может поднять Лиза, ему вдруг стало не по себе.

Сколько раз ему за свои почти пятьдесят лет приходилось рисковать не только здоровьем, но и жизнью. Он стоял на краю гибели, его могли сжечь заживо, расстрелять, сбросить со скалы, утопить в океане. И всегда в самых рискованных, казалось бы, безвыходных ситуациях он умел концентрироваться, собирать волю в кулак, умел побеждать и самого себя и обстоятельства. А сейчас давно забытые чувства вдруг так разбередили его душу, что он просто-таки расклеился. В таком случае, чтобы успокоиться и снова взять себя в руки, оставался лишь один выход – как следует выспаться. Но сначала Градов, любовно поглаживая золоченый переплет пятнадцатого тома «Брокгауза и Эфрона», отнес его и поставил на свободное место, между четырнадцатым и шестнадцатым томами.

С этим недостающим томом, как рассказывал дед, была связана целая история. Библиотека, в общем-то, поначалу принадлежала не деду, а бабушке, точнее ее родителям, известным еще до революции ученым-медикам. Но они эмигрировали. Поехали на какой-то научный конгресс, да так за границей и остались. А бабушка, которая после мединститута только начала работать в одной из московских клиник, ехать никуда не собиралась. Они с дедушкой, молодым сотрудником ЧК, только начали тогда встречаться. И дед, зная, что бывает с вещами эмигрантов, сам предложил бабушке перенести самые ценные книги к нему. Так была спасена основная часть библиотеки. Дедушка, хотя и был из крестьян, очень любил читать и всю жизнь собирал книги. При этом он никому не давал выносить их из дому. «Когда книги нет на месте, – признавался он, – у меня такое чувство, будто у меня зуб выбили».

Зная это, отец Градова, когда подрос, давая товарищам что-нибудь почитать, тщательно маскировал место, откуда взял книгу, стараясь вынимать преимущественно те, что стояли во втором ряду.

И в начале июня 1941 года, когда кто-то из его друзей попросил у него, чтобы показать родителям, хоть какой-нибудь том «Брокгауза и Эфрона», отец Градова выбрал пятнадцатый, потому что тот стоял во втором ряду. Кто же знал, что дед возьмется вытирать пыль и обнаружит пропажу. Как вспоминал отец, крик стоял такой, что стекла дрожали. Дед к началу войны уже дослужился до генерала и голос имел соответствующий.

И кричал, получилось, не зря. Потому что, когда отец Градова пошел к своему товарищу забирать книгу, тот, как сказали соседи, вместе с родителями уже уехал на дачу. А через несколько дней началась война.

Так и остался «Брокгауз и Эфрон» с выбитым пятнадцатым зубом, который наконец, через более чем шесть десятков лет, когда уже ни дедушки с бабушкой, ни отца с матерью давно нет в живых, появилась возможность вставить.

Поставив том, Градов еще раз взглянул на фотографию и снова вернулся на кухню. Его не отпускало какое-то нехорошее, неприятное не то чувство, не то предчувствие... Градов сел за стол, покрутил в руках серебряную табакерку с таинственно мерцающими рубинами, потом отложил ее и, оставив на кухонном столе две чашки с недопитым чаем, пошел спать.

Но и во сне воспоминания не отпустили его. Он вдруг оказался на том самом, с фотографии, африканском берегу океана. Но не один, а с Лизой, нет, не этой юной кудрявой блондинкой с почти бесцветными водянистыми голубыми глазами, а с той, пусть всего на вечер, но его Лизой, черноглазой, темноволосой смуглянкой в нежно-розовом платье. Они шли вдоль берега океана, держась за руки, и молчали о чем-то таком, о чем ни наговориться, ни намолчаться невозможно... И он вдруг обернулся, и увидел цепочку следов, оставленную ими. Волны набегали и слизывали следы, а они все шли и шли, и у их с Лизой берега не было ни конца, ни края.

Градов прекрасно знал, что самые яркие, памятные сновидения приходят к спящему человеку всего на несколько мгновений, перед самым его пробуждением. Но, проснувшись, не мог избавиться от чувства, что они с Лизой всю ночь бродили вдоль берега океана. И это мучительно-приятное ощущение было настолько ясным, реальным, что Градов даже почувствовал горьковато-соленый привкус прибоа.

Поскольку давеча, ложась спать, Градов не задернул шторы, теперь ему пришлось, едва он приоткрыл глаза, тут же зажмуриться. Солнце буквально ослепило его. Градов понял, что, во-первых, небо наконец прояснилось и, во-вторых, уже достаточно поздно.

Накинув халат, он пошел в ванну, умылся, потом, вспомнив о неожиданной гостье, перед которой в халате ходить неудобно, вернулся в комнату, натянул джинсы и свитер, причесался и только потом направился на кухню.

Двери в зал, где он уложил спать девушку, оказались закрытыми. На кухне тоже никого не было. На столе стояли оставленные с вечера чашки с недопитым чаем, лежала его глиняная трубка.

Градов прислушался. Кроме мерного тиканья настенных часов в коридоре до его слуха не доносилось ни звука.

Градов составил чашки в умывальник и принялся варить кофе. Пока себе одному. Когда у него было время, под настроение он всегда варил себе кофе по особому рецепту. Наливал в джезvu две маленькие чашечки слегка подслащенной воды, кипятил ее, насыпал туда по четверти чайной ложечки двух сортов кофе, который хранился у него в разных жестянках, и как только подымалась пена, снимал с огня, еще раз кипятил, подсыпал туда щепотку соли и добавлял две чайные ложечки холодной кипяченой воды. Один из его близких друзей, теперь генерал ГРУ Анатолий Соловьев называл сие произведение кулинарного искусства «кофе по-градовски».

Сняв джезvu с плиты и поставив кофе настаиваться, Градов по привычке хотел заранее набить трубку табаком, и только теперь с удивлением заметил, что серебряной табакерки, которая, когда он шел спать, оставалась на столе, там нет.

Градов осмотрелся, еще раз прислушался и выглянул в прихожую. Там не было ни куртки, ни дорожной сумки, ни сапожек вчерашней неожиданной гостьи. Зато валялись оленьи тапочки.

Градов покачал головой и, на всякий случай постучавшись, заглянул в зал. На разложенном диване лежала нетронутая стопка постельного белья. Через несколько минут Градов

убедился в том, что гостя исчезла, исчезла вместе с серебряной табакеркой, даже не оставив записки.

Глава 2

Когда Лиза Мальцева пришла в себя, первым, что она почувствовала, был тошнотворный запах гнили. Открыв глаза, она обнаружила, что лежит в полутемном сыром чулане на груди тряпья, от которого и исходит эта вонь. Еще через мгновение, прислушавшись к мерному монотонному плеску воды, Лиза с ужасом осознала, что это вовсе не чулан, а трюм корабля, который, покачиваясь, движется, то есть плывет по морю или океану. Лизу с детства укачивало даже в автобусе, и сейчас, по мере того, как она приходила в себя, ее тоже начало подташнивать. Девушка попыталась приподняться, но ей стало хуже. Пришлось вновь лечь и закрыть глаза. И сразу в памяти ясно и настойчиво, кадр за кадром начал восстанавливаться весь вчерашний, хотя, возможно, уже и позавчерашний, а то и позапозавчерашний день, то, что, организаторы всего, что сейчас с ней происходило, наверняка хотели бы навсегда изгнать из ее памяти. Но воспоминания были на удивление четкими и ясными.

Лиза отлично помнила, как сутки, а может, уже и двое, трое суток назад она села в поезд «Киев – Москва». С нею в купе ехали два студента, которые всю дорогу, даже ночью, тусовались где-то у своих, и приятная с виду кудрявая светловолосая девушка с неестественно бледным фарфоровым личиком и мягким вкрадчивым голоском, назвавшаяся Милой.

Слово за слово, они разговорились. Странно, эта Мила сама почти ничего о себе не рассказывала, а вот она, Лиза, не будучи по природе своей болтливой, тогда в поезде, кажется, разговорилась. Мила с таким интересом, так внимательно слушала... Теперь Лиза сама удивилась, насколько точно, едва ли ни слово в слово, помнит весь их разговор.

Сначала Мила, выпроводив парней из купе, попыталась расчесать свои обесцвеченные, промокшие и спутавшиеся под дождем кудри. Потом, окинув Лизу оценивающим взглядом, вздохнула:

– Как я завидую тем, у кого прямые волосы!

– Теперь, по-моему, выпрямить волосы нет никаких проблем, – смутившись и откидывая на спину свой естественного темно-каштанового цвета хвостик, пожалала плечами Лиза и, чтобы приободрить попутчицу, добавила: – Вам так идут эти кудряшки!

– Я знаю, потому и мучаюсь! – кивнула девушка и представилась: – Меня Мила звать, а тебя?

– Лиза.

– Ну вот и познакомились, – улыбнулась Мила, вешая на плечики и расправляя белую меховую со слипшимися от дождя прядями куртку.

Расчесав волосы, она принялась расчесывать свою курточку.

– Ты, похоже, не москвичка, – сказала Мила.

– А почему ты так думаешь, – заинтересовалась Лиза, тоже переходя на ты.

– А, москвички никогда не смущаются и не краснеют. А ты вон еще смущаться не научилась.

– А ты что, москвичка? – спросила Лиза.

– Можно считать да, – уверенно заявила Мила. – Мне только замуж осталось выйти, и все, московская прописка у меня в кармане.

– А что, у тебя жених есть?

– Сегодня еще нет, но завтра, думаю, обязательно будет, – игриво заявила Мила.

– Так ты в Москву за женихом едешь? – улыбнулась Лиза.

– Да что-то вроде того... – махнула рукой Мила. – Давай лучше чаю нам принесу.

Лизе осталось лишь согласиться.

К чаю Мила достала из сумки красивую жестяную коробку миндального печенья, и, кивнув Лизе, чтобы та угощалась, первой положила в рот одно из печений.

– Так есть хочу, просто ужас! Целый день пробегала, даже в «Макдональдс» не было времени заскочить... – вздохнула Мила.

– Может, ты пирожков хочешь? Мама мне в дорогу пирожков напекла... – предложила Лиза.

– А с чем пирожки? – поинтересовалась Мила.

– С мясом, с грибами, с капустой... Разные...

– Ладно, давай твои пирожки, – махнула рукой Мила.

А когда Лиза достала из сумки огромный пакет с пирожками, удивленно покачала головой:

– Ни фиги ж себе тебя в дорожку выправили... Ты ведь до самой Москвы их не схмячишь. Продавать, что ли будешь? – проговорила Мила, выбирая себе пирожок поподжаристей.

– Да это не только мне... – замылась Лиза. – Я в Москве должна к одному папиному другу зайти, книгу отдать, ну вот мама ему и передала эти пирожки...

– А друг молодой? Неженатый? – поинтересовалась Мила.

– Кажется, неженатый... А насчет молодой... Ну он, наверное, такой, как мои родители...

– А сколько лет твоим родителям?

– Ну, под пятьдесят уже.

– О, так это не возраст! Это самый расцвет сил! – оживилась Мила, уплетая пирожки. – Ты там смотри, не робей! А то, если ты не захочешь, то я могу к нему присвататься. Он же небось не бедный?

– Вот чего не знаю, того не знаю... – пожала плечами Лиза.

– А живет где?

– В Москве...

– Да ясно, что в Москве, – кивнула Мила. – Я имею в виду – в центре или где на окраине?

– Не знаю, – пожала плечами Лиза. – У меня адрес на бумаге написан, в которую книга запакована.

С этими словами она достала из сумки пакет, из пакета – завернутую в обычную серую оберточную бумагу книгу.

– А ты Москву хорошо знаешь? – спросила Лиза.

– Да уж наверняка лучше тебя, – улыбнулась Мила. Взяв книгу, она прочитала адрес и присвистнула: – Ну, детка, это тебе не хухры-мухры. Это тебе элитный дом в центре Москвы...

– А откуда ты знаешь?

– Да жил у меня там один корешок...

– Кто? – не поняла Лиза.

– Ну, знакомый... – усмехнулась Мила и спросила: – А что за книга?

– Да это длинная история...

– А мы куда не торопимся. Рассказывай. Я страсть как люблю всякие истории, – улыбнулась Мила, запивая пирожки чаем.

– Ну, в общем, отец учился вместе с этим своим товарищем, Алексеем Градовым, в Киевском общевоинском училище. А этот Градов был, как отец говорит, страшным книголюбом. Вроде у него в Москве библиотека большая. И однажды они с Градовым гуляли по городу и зашли в букинистический магазин...

– Куда-куда? – переспросила Мила.

– В букинистический магазин...

– А это еще что за магазин такой?

– Там книги старые продают, – пояснила Лиза...

– А, понятно... – кивнула Мила и попросила: – Ты рассказывай, рассказывай...

– И, в общем, этот Градов увидел там недостающий том «Брокгауза и Эфрона»...

– Да... Ну, теперь вообще темный лес начался, – покачала головой Мила.

– Это энциклопедия такая старинная. Еще до революции выпущенная. У Градова, точнее у его бабушки, не хватало одного тома. Именно этого, пятнадцатого, – поспешила уточнить Лиза. – Но том этот стоил очень дорого, и они с отцом поехали к знакомым одолжить деньги. А когда вернулись, книги уже не было. Этот Градов тогда страшно расстроился. И вот отец совсем недавно, представляешь, зашел в тот самый букинистический магазин и увидел этот пятнадцатый том, и у него, представляешь, опять не было денег. Но он догадался отложить книгу на время, и вот купил ее. Вот Градову и будет сюрприз...

– Да может он давно этот пятнадцатый том купил уже... – высказала предположение Мила.

– Ну, я думаю, Градову все равно будет приятно... К тому же, как мама моя говорит, он в нее влюблен был. А поскольку я на маму свою похожа, то для него это будет, наверное, как встреча с молодостью... Но это я так, к слову.

– И что, твои родители только ради этой книги тебя в Москву выправили? – удивилась Мила.

– Да нет, не только ради этой книги... – замялась Лиза. – У меня там еще одно дело есть...

– Поступить куда учиться задумала? Так вроде поздно уже... Осень на дворе.

– Нет, я уже учусь, в Киевском университете, на факультете журналистики.

– Так ты в командировку, что ли? Интервью брать у московских знаменитостей?

– Да нет, – еще больше смутилась Лиза, – я на операцию.

– На операцию? И что, что-нибудь серьезное? – продолжала расспрашивать Мила.

– Не знаю, как и сказать...

– Да не смущайся ты, колись, у меня в Москве врачи знакомые есть, так я договориться могла бы...

– Да там вроде отец уже договорился... – поморщилась Лиза, и, как ей теперь казалось, будто повинувшись чьему-то беззвучному приказу, сняла сапог и продемонстрировала случайной попутчице свою шестипалую ногу.

Та не сразу разобралась в чем дело, а когда поняла, воскликнула:

– Ого, так ты редкая птаха...

– Да уж действительно редкая... Ни на пляж не сходишь, ни в бассейн. И летом, как монашка, только в закрытых туфлях.

– Да, не повезло тебе...

– Мама говорит, что это потому, что она, когда авария в Чернобыле случилась, загорать ходила на речку. Жарко было, весь Киев загорал. А потом, через пару дней все потянулись из города, даже эвакуировать его собирались. Вот и получилось... Как говорится, эхо Чернобыля.

– И что, у тебя обе ноги такие? – спросила Мила.

– Да, обе, – вздохнула Лиза.

– Но ты так не расстраивайся. Может, это знак какой... Знак твоей избранности.

– Избранности... Меня знаешь, как в школе дразнили? Кунсткамера ходячая...

– Да ладно. Теперь-то тебе что... Некоторые в наше время со своего уродства знаешь, какие деньги зашибают?.. Вон ведущий «Ты не поверишь!» карлик совсем, а на телевидение пробился, передачу ведет, со знаменитостями встречается!

– Ты хочешь сказать, что я благодаря своим шести пальцам в Москве на телевидение могу пробиться? – вздохнув, улыбнулась Лиза.

– Телевидение не телевидение, но деньги из этого точно иметь могла бы... – сказала Мила и задумалась.

– Мне отец рассказывал, что в Африке вроде племя такое есть, где все шестипалые. А кто с пятью пальцами рождается, они того в соседнее племя отправляют. А раньше вообще убивали...

– Вот видишь, это как посмотреть...

Но тут вернулись соседи по купе, и Лиза поспешила натянуть сапоги.

Их попутчики, студенты мединститута Костя и Гарик, тоже принесли себе чаю. Лиза и их угостила мамиными пирожками. Потом Гарик достал гитару. И они вместе спели несколько песен: «Кузнечика», «Милая моя, солнышко лесное...».

И конечно:

*«Постой, паровоз, не стучите, колеса,
Кондуктор, нажми на тормоза!
Я к маменьке родной с последним приветом
Спешу показать на глаза.*

*Не жди меня, мама, хорошего сына,
Твой сын не такой, как был вчера.
Меня засосала опасная тряпина,
И жизнь моя – вечная игра».*

А потом пели только Мила и ребята. Лиза таких песен не слышала. Больше всего ей запомнилась вот эта. Они ее несколько раз повторяли.

*«Поезд мчался на восток.
Искры гасли на ветру.
А в вагоне кто-то пел:
“Я чешу, чешу ногу,
Я чешу, чешу ногу,
Я чешу, чешу ногу”».*

Потом ребята опять вышли. А за ними, теперь Лиза это вспомнила, выходила отнести стаканы из-под чая и Мила.

Когда она вернулась, Лиза уже была под одеялом. Но Мила предложила на ночь выпить сока.

– Из Африки знакомые привезли. Даже не знаю, что за сок. Но говорят страшно полезный, – проговорила она и добавила: – Его, говорят, африканки пьют для повышения, так сказать, своей секс-привлекательности... чтобы мужиков легче соблазнять было...

– Да я не собираюсь никого соблазнять, – смутилась Лиза.

– Ты же в Москву едешь! Мало ли кого там встретить можно! А вдруг тебе олигарх случайно встретится. Они, знаешь, эти олигархи, во время кризиса, случается, даже в метро спускаются.

– Да не надо мне никакого олигарха, – покачала головой Лиза. – Я просто так, ради интереса этот сок попробую...

Единственное, чего Лиза не могла сейчас точно вспомнить, принесла Мила сок с собою или достала из сумки. Она очень устала, ей хотелось спать. И она чисто машинально взяла протянутый Милой пластиковый стаканчик.

Сок был приторно сладким, со странным терпким и пряным ароматом. Дальше Лиза ничего не помнила. А вот этот странный терпкий пряный привкус во рту чувствовался до сих пор. Подташнивало и страшно хотелось пить.

– Пить... Принесите кто-нибудь пить...

Услышав тихий женский голос, Лиза поняла, что в этом чулане-тюрьме она не одна. Лиза попыталась приподняться, но почувствовала, что к горлу снова подкатила тошнота. Тогда

девушка, выбравшись из кучи тряпья, на четвереньках поползла в дальний угол, откуда доносились стоны. Вонь там стояла еще более резкая. Лиза, чтобы не стошнило, даже заткнула нос. Наконец в густом полумраке среди кучи тряпья ей удалось рассмотреть закутанную в пальто человеческую фигуру.

– Пить... – едва слышно простонала женщина и протянула руку, будто надеялась нащупать стакан или бутылку с водой.

– Сейчас, сейчас что-нибудь найдем... – пробормотала Лиза осматриваясь и чувствуя некоторое облегчение оттого, что она здесь не одна.

И тут в самом дальнем и темном углу кто-то пошевелился, и Лиза, обернувшись, увидела еще одну молодую женщину или девушку в светло-серой куртке с натянутым на голову капюшоном, из-под которого выбивались светлые кудрявые пряди. На какое-то мгновение Лизе даже показалось, что это ее случайная попутчица по купе Мила, но она тут же поняла, что ошиблась. Между тем девушка в куртке вытащила из-под одеяла, которым накрывалась, бутылку с водой и, открутив крышку, принялась жадно пить.

Лиза подползла к ней и спросила:

– Простите, а где вы взяли воду?

Девушка вздрогнула и, оторвавшись от бутылки, удивленно посмотрела на Лизу.

– А ты кто? – спросила она.

– Лиза.

– Ой, какое славное имя... – восхитилась девушка.

– Здесь еще одна женщина есть. Ей совсем плохо. Она пить просит, – сообщила Лиза, чувствуя, что у нее самой во рту все пересохло.

– А, пить... – задумчиво протянула девушка в куртке и, стянув капюшон, кивнула куда-то в сторону: – Да там целый ящик минералки стоит. Только вот куда потом в туалет ходить, не придумаю.

Лиза поползла туда, куда показала девушка. Там действительно стоял целый ящик с пластиковыми бутылками, на которых, правда, не было никаких наклеек. Лиза взяла две бутылки и направилась к женщине, которая просила пить.

– Эй, ты, как тебя там, Лиза, ты там осторожно с этой, она, похоже, больная. Под себя ходит. Может, у нее дизентерия или, еще хуже, холера...

Но Лиза уже, отвинтив пробку, подала бутылку закутанной в пальто женщине. Та дрожащей рукой взяла бутылку и, приподнявшись, жадно припала к горлышку. При этом ее, похоже, продолжало лихорадить. Темноглазая, темноволосая женщина была коротко стриженной и, наверное, из-за страдания, которое искажало ей лицо при каждом глотке, выглядела старше своих лет.

Лиза тоже открутила пробку и отпила из бутылки.

– Эй, ты что там – уснула?! – снова подала голос светловолосая. – Ползи сюда, а то и правда заразишься. А здесь даже спирта для дезинфекции нет.

Но Лиза не могла оторвать глаз от руки больной женщины, держащей бутылку. Теперь она понимала, что ей не показалось. У больной, мучимой жаждой и лихорадкой женщины на руке было шесть пальцев.

Между тем, женщина, не выпуская из рук бутылку, откинулась назад и обмякла. Вода из бутылки пролилась на пол. Но Лиза уже опасалась прикоснуться к ней.

– Надо позвать кого-то. Ей совсем плохо... – сказала Лиза, медленно отползая подальше.

– Ну, попробуй, позови, может, тебе повезет! – хмыкнула девушка и крикнула: – Эй, кто-нибудь там, слышите?!

– Здесь женщине совсем плохо! – вторила ей Лиза.

Никто не отозвался.

– Да, подруга, как говорят, спасение утопающих – дело рук самих утопающих! – заявила светловолосая и добавила: – Хотя, если бы мы были утопающими, у нас было бы больше шансов спастись.

– А где мы? – спросила Лиза.

– Где-где... В заднице мы. Не слышишь, что ли, как воняет? В самой настоящей заднице, – ответила девушка и сплюнула.

– Как мне кажется, мы на каком-то корабле. Плыдем куда-то... – высказала предположение Лиза.

– Плыдем... Нас плывут! А не мы плывем... И знать бы куда и зачем...

– Но ты хоть помнишь, как сюда попала? – с надеждой спросила Лиза.

– Да ни фига я не помню! Очнулась, башка трещит, а сверху вас на меня, как мешки, сбрасывают. Сбросили и еще приказали, чтобы вас по углам растащила. А потом ящик с водой спустили. Дверцу захлопнули, и после этого там, наверху, словно вымерли...

– А до того что было, ты помнишь? – не теряла надежды Лиза.

– До того... До того... – задумалась девушка. – До того весело было. Нас с Мальвиной на корпоратив заказали...

– А Мальвина это та, что больная? – уточнила Лиза.

– Не, эту я первый раз вижу, – покачала головой девушка. – Мальвина там осталась. «Там, на том берегу...» – вдруг запела она.

– Так, а что дальше было? – вернула ее к рассказу Лиза.

– Ну, в общем, пришел Джек и говорит: «Тебя, Мальвина, и тебя, Мадлен, на корпоратив заказали... Бабки, мол, светят хорошие, так что ноги в руки и вперед...»

– Так тебя Мадлен зовут? – уточнила Лиза.

– Нет, Мадлен – это мой, так сказать, рабочий псевдоним. Но ты можешь называть меня Мадлен, я не обижусь...

– А дальше что? Поехали вы с Мальвиной на корпоратив...

– Ну да, на корпоратив. Банный, так сказать. Фирма какая-то баню на вечер сняла. Бабы ихние упились и спать повалились, вот они нас с Мальвиной и вызвали.

– А дальше что было? Ты помнишь, как сюда, на этот корабль попала?

– Да ни фига я не помню. Мальвина у какого-то хмыря на коленях сидела. А я стриптиз на столе исполняла. Ну, а у меня фишка одна есть... В общем, у меня на грудях не по одному, по два соска...

– По два соска? – удивилась Лиза.

– Ну да. По два. Эти хмыри, как увидели, так и запали все разом. Давай пальцы выкидывать, кто со мной первый уединиться будет. А тут какой-то лысый такой, жирный, меня ухватил и в какую-то каморку затянул. Оказалось, это банщик. У него там тоже стол был накрыт и все такое. Он меня сначала вином каким-то угощал. А потом... Не помню. Потом я вот здесь оказалась...

– А что за вино было? – попыталась уточнить Лиза.

– Да хрен его знает, что за вино...

– Странно. И что ты обо всем этом думаешь?

– Да что тут думать. Линять нам отсюда надо. А как слиняешь, когда мы в море-океане... Да еще с этой больной.

– И что делать?

– Что делать, что делать... Ждать, пока к берегу пристанем. Если бы нас убить хотели, то прямо там и порешили бы, а так вот везут куда-то. И воду дали. Значит, мы живыми им нужны...

– Да, похоже на то... – задумчиво пробормотала Лиза.

– А ты как сюда попала? – спросила беловолосая Мадлен.

– Да я вот пока здесь лежала, вспоминала... Я в Москву ехала. В поезде «Киев – Москва», в купе. Последнее, что помню, сок пила. Странный какой-то, с привкусом. И теперь этот привкус у меня во рту стоит...

– А кто с тобой в купе ехал? Помнишь? – поинтересовалась Мадлен.

– Два парня, студенты, но они в основном у своих тусовались, и девушка, очень на тебя похожая...

– На меня? – удивилась Мадлен.

– Да, на тебя, – кивнула Лиза. – Голубые глаза, кудрявые светлые волосы...

– Ладно, главное, это была не я. Ну, а дальше?

– Эта девушка дала мне соку. А дальше ничего не помню. Пришла в себя вот здесь.

– Ясно... Ясно, что ничего не ясно... – вздохнула Мадлен и вдруг спросила: – А ты не помнишь, о чем ты с этими студентами и с на меня похожей девушкой говорила?

– Со студентами мы вообще, считай, не общались. А с девушкой, она Милой назвалась, обо всем...

– А поконкретнее можно?

– Ну, сказала, что книгу везу папиному другу, «Брокгауза и Эфрона». Про то, что мне в Москве операцию делать будут...

– Операцию? – оживилась Мадлен. – Какую операцию?

– Пластическую... – замялась Лиза.

– Да у тебя же вроде, как говорится, и кожа, и рожа в порядке... – окинув Лизу внимательным взглядом, засомневалась Мадлен.

– Да у меня на ногах...

– Что на ногах? Волосы растут?

– Нет, пальцы...

– Так у всех пальцы на ногах...

– У меня шесть пальцев...

– Шесть? – удивилась Мадлен и пожала плечами: – Ну и что? У меня по два соска, у тебя по шесть пальцев... Что, они тебе мешают?

– Да нет... Просто неприятно, когда все оглядываются, указывают на тебя пальцем... Ни на пляже не разденешься, ни в бассейне...

– Стоп, ты про эту операцию, ну, про то, что у тебя шесть пальцев, этой своей попутчице, которая на меня была похожа, рассказала?

– Ну да...

– И как она это восприняла?

– Обычно, – пожала плечами Лиза, но призадумалась, как будто что-то вспоминая. – Хотя нет, она...

– Знаешь, подруга, что я думаю... – перебила ее Мадлен. – У меня по два соска, у тебя по шесть пальцев... Мы не случайно на этом корабле оказались. Нас точно в какой-то заморский бордель везут...

– В бордель?! – испуганно прошептала Лиза.

– Ну да, в бордель, – еще более уверенно сказала Мадлен. – А чего ты удивляешься? Я про такое читала. Есть такие бордели, где работают всякие уродки или, как мы с тобой, девушки с отклонениями. Некоторых мужиков это заводит...

– Но я ведь не проститутка... – пробормотала Лиза.

– Ну, девушка по вызову, какая разница... – хмыкнула Мадлен.

– Нет, ты меня не так поняла. Я учусь...

– И чему, и где ты учишься? – продолжала ерничать Мадлен.

– Я в Киевском университете учусь, на факультете журналистики...

– Журналистики?! Ты че, серьезно?! – не поверила Мадлен.

– Да, серьезно... я вообще еще с парнями близко не общалась... – смутившись, сказала Лиза.

– Ну, это только поднимет твою цену... – хмыкнула Мадлен.

– Подожди, ты точно уверена, что нас в бордель везут?

– А куда ж еще... На какие-нибудь Сейшелы...

– Почему именно Сейшелы?

– Не знаю, нравится мне это слово и все. Интригует, – заявила Мадлен.

– И что теперь делать? – растерянно спросила Лиза.

– Прорубить в днище дыру и героически потонуть... – опять хмыкнула Мадлен и задумчиво добавила: – Я только одного не пойму, зачем им еще эта больная старуха? У нее ж вроде все в порядке... Или, может, у них там любители старых больных женщин есть...

– Подожди. Ты говоришь, что у этой женщины все в порядке... – остановила ее Лиза. – Но у нее на руках по шесть пальцев...

– На руках? – переспросила Мадлен. – Шесть пальцев? А ты в этом уверена?

– Абсолютно... Можешь сама, если хочешь, убедиться...

– Не, я к больной не пойду, – покачала головой Мадлен, – поверю тебе на слово.

– Так что, получается, нас всех везут в бордель?.. – вновь спросила Лиза.

– В бордель или в гарем к какому-нибудь арабскому шейху или негритянскому царю. У них там денег куры не клюют, вот они с жиру и бесятся...

– Да, перспективы далеко не радужные...

– И поверь мне, бордель – это еще не самое страшное, что нас может ожидать...

– Для меня, – вздохнула Лиза, – страшнее борделя быть ничего не может...

– Ну почему? – скривилась Мадлен. – А что, если нас в кунсткамеру везут или в анатомичку... Это что, лучше? В борделе ты хоть шевелиться будешь, живая, и мужиков шевелиться заставишь. А в кунсткамере выставят на всеобщее обозрение и все, или вообще прирежут и заспиртуют...

– По мне так лучше пусть прирежут, чем в борделе с потными, вонючими мужиками... – покачала головой Лиза.

– Ну, во-первых, не все мужики потные и вонючие... Некоторые на встречу с женщиной дезодорантятся больше, чем на работу. Ну, а во-вторых, – и Мадлен подмигнула, – ты же еще не пробовала. Может, тебе понравится...

И тут опять застонала женщина:

– Пить... Пить...

Лиза тут же встала и направилась к ней.

А Мадлен скривилась:

– Смотри, мать, будешь к этой шастать, я от тебя отгорожусь. Вообще общаться с тобою не буду...

– Как знаешь, – пожала плечами Лиза. – Я не могу человека вот так бросить... А если бы на ее месте ты оказалась или твоя сестра, мать...

– Нет у меня ни сестры, ни матери, – резко сказала Мадлен и отвернулась.

А Лиза взяла еще одну бутылку воды и, открутив пробку, направилась к женщине.

И тут сверху раздались переборы гитары и надтреснутые, похоже, пьяные мужские голоса затянули:

«Поезд мчался на восток.

Искры гасли на ветру.

А в вагоне кто-то пел:

“Я чешу, чешу ногу,

*Я чешу, чешу ногу,
Я чешу, чешу ногу».*

Мадлен тут же закричала:

– Эй, вы там, наверху! Отзовитесь! Тут человек умирает!

Но наверху, наверное, не услышали. Песня, которую Лиза слышала в поезде в исполнении своих попутчиков-студентов и Милы, продолжалась:

*«Вот устроился я спать,
Но уснуть я не могу.
В голове моей опять:
“Я чешу, чешу ногу,
Я чешу, чешу ногу,
Я чешу, чешу ногу».*

Мадлен, осознав, что ее не слышат или игнорируют, подошла к ящику с минералкой и, схватив бутылку, швырнула ее вверх. Правда, неудачно. Бутылка не долетела до лаза, упала на пол и, наколовшись на торчавший в доске гвоздь, лопнула.

Пение наверху продолжалось:

*«Сладко спали мы в купе,
Паровоз кричал: “Угу!”
А вагоны все поют:
“Я чешу, чешу ногу,
Я чешу, чешу ногу,
Я чешу, чешу ногу”.*

*Вот проснулся утром я,
Но поесть я не могу.
В ресторане все поют:
“Я чешу, чешу ногу,
Я чешу, чешу ногу,
Я чешу, чешу ногу”.*

*Вот приехал я домой,
Но работать не могу.
Целый город мне поет:
“Я чешу, чешу ногу,
Я чешу, чешу ногу,
Я чешу, чешу ногу”.
Я так больше не могу!»*

– И я так больше не могу! – крикнула Мадлен и, прицелившись, запустила еще одну бутылку.

В этот раз бутылка попала в крышку лаза и стукнулась так, что крышка даже чуть подскочила.

Пение утихло, послышался отборный мат, потом лаз открылся и в просвете показалось красное не то от солнца, не то от выпивки мужское лицо:

- Вы че там, ошалели?! – крикнул мужчина.
- Ты, краснорожий! Заткнись! Я ща круче тебя матом загну! – крикнула Мадлен. – Ты спуститься можешь? Разговор есть.
- Некогда нам с вами разговаривать. Говорите, что вам надо, – сказал краснорожий, разглядывая трюм.
- Эй, Витек, ты рожу свою туда не суй. А то еще покалечат! – послышался другой, хрипловатый и надтреснутый мужской голос.
- Так они, Гриня, эти бабы, весь корабль разнесут! – ответил краснорожий Витек.
- Михалыч сказал нам туда без него не сунуться. Надо Михалыча позвать, пусть он с ними сам разбирается, – заявил Гриня.
- Эй ты, как тебя там, Гриня! – крикнула Мадлен. – А кто он такой, что за шишка этот ваш Михалыч?!
- Кто-кто, конь в пальто... – буркнул Гриня. – Хозяин он. Ща позову, все узнаете.
- Подождите, вы скажите хоть, куда нас везут? – спросила Мадлен, стараясь сдерживать эмоции.
- Я ж тебе говорю, щас Михалыч придет и все вам расскажет... – проговорил, не показываясь, Гриня.
- Слушайте, нам же все равно отсюда не сбежать, – продолжала Мадлен. – Тут одна совсем больная, туалета нет. Вы б хоть нам ведро какое спустили. Нет, два или лучше всего три ведра. Одно больной нужно дать. А то она под себя ходит...
- Да слышим... Аж сюда вонь шибает... – пожаловался Витек. – Но это тоже с Михалычем нужно обговорить. Без него мы ничем вам не поможем.
- Ну, гады, доберусь я до вас! – сорвалась на крик Мадлен и, схватив бутылку, запустила ее вверх.
- На этот раз, похоже, удачно. Потому что как только бутылка вылетела в лаз, раздался громкий вскрик, за которым последовала отборная ругань.
- Лаз тут же захлопнулся.
- Ну вот, что ты наделала! – покачала головой Лиза, которая все это время продолжала пить больную. – Они теперь вообще к дыре подходить не станут.
- Ниче! Ща пару бутылок еще запущу и вообще ихнюю крышку на фиг разобью! – решительно заявила Мадлен, нащупывая очередную бутылку.
- Перестань, – бросилась к ней Лиза. – Еще пару бутылок запустишь, и мы без воды останемся. Ты не забывай, мы на корабле. И сколько нам еще плыть, неизвестно. Так что лучше подождем, пока они своего Михалыча приведут. Если тот, конечно, не побоится теперь показаться.
- Ой, ну и мужики пошли! – зло фыркнула Мадлен. – С бабами поговорить бояться. Ну, скажи, вот куда мне на горшок сходить?
- Ну, давай как-нибудь ящик из-под бутылок приспособим... – пожала плечами Лиза.
- Очень оригинально! – хмыкнула Мадлен, доставая из ящика и выкладывая на пол бутылки с водой. – Он же, мать, дырявый. Хотя, если на дно вот эту жесть ржавую пристроить, а вместо крышки другую жестянку взять... Даже и вонять, может, не будет. А они потом пусть с нашим дерьмом сами разбираются.
- Будет настоящий унитаз... – улыбнулась Лиза.
- Мы когда из детдома сбежали, – проговорила Мадлен, пристраивая листы жести, – в подвале дома одного месяца, наверное, жили, так мы себе тоже отхожие места из ящиков делали. Там целая куча ящиков каких-то была. Но там ящики были пластмассовые и с крышками...
- А ты что, детдомовская? – спросила Лиза.
- Ну да, а что? – пожала плечами Мадлен.
- Да ничего, просто спрашиваю... А родители твои что, умерли?

– Хрен их знает, где мои родители... – покачала головой Мадлен. – Позабыт, позаброшен с молодых, юных лет... Не знаю, во всех документах прочерк стоит. Зато меня усыновлять было удобно. Меня целых три раза усыновляли... То есть удочеряли.

– И что?

– Да ничего. Одни вроде так ничего были, своих двое детей, пацан и девка. Я, правда, хоть малая еще была, как чувствовала, с первого дня, когда мылась, в ванне запиралась, никого не пускала. А потом как-то мылась, мылась, а тут кран прорвало, хочешь не хочешь, выпустить тетеньку пришлось. Ну, она, как мои сиськи увидела с четырьмя сосками, так и онемела. Назавтра вещи мои собрала и назад в детдом. Я за дверями стояла, все слышала. Она директрису строить начала: «Вы почему не предупредили нас, что ребенок с отклонениями!» В общем, вернулась я в детдом. А там и до того меня травили. А после хождения в семью вообще жизнь в ад превратилась. Гнобили по-страшному. Но я там не одна такая была. Сашка-хромой, Райка-безручка... вот мы и решили вместе бежать. Осень на дворе, холод, а мы в бега подались. На ногах кеды, курточки на рыбьем меху... Забились в какой-то подвал и жили там вместе с крысами. На улицу через окошко, как кошки, вылазили, попрошайничали, а иногда и крали то, что плохо лежит. А через месяц, как раз снег выпал, Сашку-хромого менты на вокзале замели. А он малой был, плакса. В общем, сдал он нас с Райкой. Опять в детдом вернули. А потом какие-то сектанты меня к себе забрали. Тех уже предупредили, что я с дефектами. А они, прикинь, меня на сборище своей секты привели и раздеваться заставили. Мол, я не просто так себе, а посланница ихнего бога, или в кого там они верили. Ну, я стою голенькая, босенькая на полу, девчонка еще совсем, а они все, человек двадцать, поклоны мне бьют. Как я только там умом не тронулась, не знаю. Опять сбежала. Но тогда лето было. Я в деревню, куда мы однажды с детдомом помогать полоть ездили, подалась. Тетка там одна сильно сердобольная была. Одинокая. У нее лето прокантовалась. Она уже усыновить меня, то есть удочерить, собралась. Но тут у нее бах – и инсульт случился. Речь отняло. И весь правый бок. Ее в больницу забрали. А меня опять в детдом. Ну а потом, когда меня итальянцы удочерить захотели, я сама отказалась. Не знаю даже, что на меня нашло. Отказалась и все...

– Да, страшная у тебя жизнь, – покачала головой Лиза.

– Не то слово... А ты говоришь, в бордель попасть страшно... Да я когда из детдома в жизнь вышла, да поняла, что мордашкой и фигуркой меня Бог не обидел, и мое «отклонение» – главная моя фишка, я человеком себя почувствовала...

– Так ты что, прямо из детдома на панель, что ли?

– Ну, почему сразу... Не сразу, конечно... – пожала плечами Мадлен. – Сначала улицы московские мела, угол даже мне, комнату дали. А потом соседка моя, Мальвина, я тебе про нее говорила, с Робиком меня познакомила. А Робик... В общем, с Робика все и началось. Он мои фишки как раз первым и оценил.

– Но ты же не собиралась всю жизнь только этим зарабатывать?

– Не знаю... Нет, наверное... Робик же, чтобы меня солидным клиентам предлагать, даже техникум заставил окончить, легкой промышленности. На курсы английского языка год целый ходила... Но теперь что про это говорить... Мы ж с тобой теперь вообще понятия не имеем, где мы и что мы... Хоть бы этот их Михалыч нарисовался, жратвы подкинули и больную эту куда-нибудь от нас убрали...

– Ей врача бы надо... – скорбно поджала губы Лиза.

– Щас, врача... – покачала головой Мадлен. – Будет тебе и врач, будет и медсестра с уколами... Я так понимаю, что их всего-то на этом корабле трое-четверо, ну от силы пятеро. Михалыч, которого они хозяином называют, Гриня, Витек, ну и кто-то за штурвалом да у парусов или у мотора.

И тут крышка лаза открылась и вниз спустили лестницу.

– Эй, кто там?! – оживилась Мадлен. – Нам выбираться или вы сами спуститесь?!

– Спустимся, если вы шуметь не будете, – слышался спокойный и уверенный мужской голос.

– Здесь женщина больна, ей врач нужен, – сообщила Лиза.

– Я и есть врач. Сейчас спущусь и осмотрю. И ее, и вас... – сказал тот же мужчина.

– Михалыч, ты осторожно, а то они бешеные. Зашпундырят бутылкой, не дай бог, калеккой сделают. Вон Гриня едва увернулся. Чуть-чуть бы еще и без глаза остался, – проговорил, похоже, Витек.

Лиза с Мадлен посмотрели вверх и увидели, что по лестнице спускается вполне культурный с виду, подтянутый, но уже лысоватый молодой человек в кроссовках, джинсах, белом медицинском халате, в медицинских перчатках и с ватно-марлевой повязкой на лице.

Глава 3

Каролине Стебловой за свои неполных двадцать пять лет пришлось так часто представляться чужими именами, что она порой не сразу отзывалась на свое настоящее. Трудно было поверить, что эта стройная девушка с почти ангельским фарфоровым личиком, чуть наивными голубыми глазами и легкомысленными светлыми кудряшками уже давненько является едва ли не ключевой фигурой в преступной цепочке довольно экзотического и весьма выгодного бизнеса, связанного с торговлей людьми. Однако сама Каролина свою работу преступной не считала. Ведь в ее задачу входило всего лишь войти в контакт с указанным человеком, при необходимости привести или привезти его в указанное место, ну и, куда от этого денешься, угостить подмешанным в сок снотворным. Дальше в игру вступали мужчины. А Каролина, получив за труды кругленькую сумму, испарялась. Она никогда не интересовалась, зачем тем, кто платил ей деньги, тот или иной человек. Даже догадки на этот счет строить не любила. Как говорится, меньше знаешь, крепче спишь.

На первых порах, правда, Каролина пробовала изменять не только имя, но и внешность. Но вскоре поняла, что ее легкомысленные кудряшки и наивные глазки – настоящий дар природы. Не только мужчины, но и женщины почему-то доверяются блондинкам с первого взгляда. Поэтому Каролина работала практически в открытую. И за все время работы у нее получилась всего одна неприятная накладка, когда ревнивый муж, подслушав телефонный разговор, взялся следить за своей женой и заметил из-за угла, как его жена разговаривала с Каролиной. Но потом они сели в машину, и муж их след потерял. В милиции Каролина со своим обычным, как она убедилась, безотказно действующим наивным выражением лица сказала, что молодую женщину она в тот день видела впервые, что та перепутала место встречи и попросила ее подвезти до станции метро «Кропоткинская». Заплатила пять долларов. Вот и все, что она может сообщить следствию. Сам муж тут же заявил:

– Да, эта девушка здесь, наверное, действительно ни при чем...

После чего Каролину отпустили и больше не тревожили.

Каролина четко исполняла порученную ей роль, получала неплохие деньги и отдыхала в свое удовольствие. И, как ее предупредили сразу, беспрекословно подчинялась приказам. Но самостоятельность иногда все же проявляла. Ведь выпадали случаи, которыми просто грех было не воспользоваться. Вот и в этот раз, когда они с ребятами ехали в Москву, чтобы доставить нужным людям какую-то женщину с шестью пальцами на руках, Каролина, случайно узнав, что у ее попутчицы, молодой девушки, по шесть пальцев на ногах, не могла не воспользоваться такой удачей. Ребята тут же ее поддержали, перезвонили хозяину, и тот тоже дал добро. Таким образом, их и так неплохой гонорар удвоился. Единственное, что смущало Каролину, это то, что девушка, которую они, усыпив, отправили заказчикам, была из благополучной семьи. И, родители, несомненно, хватятся ее, будут искать. Ведь не зря одним из условий их бизнеса было то, чтобы у похищенного человека не было близких родственников или с такими родственниками у него были неприязненные отношения. Но если бы заказчики узнали, что шестипалая девушка из семьи военного, да еще и сама журналистка, они вполне могли вообще отказаться от предприятия. А теперь уже все равно ничего нельзя было изменить. Теперь оставалось ждать оставшуюся часть гонорара.

Уже третьи сутки Каролина почти никуда не выходила из дому, валялась на диване и смотрела диски с каким-то бесконечным мексиканским сериалом, которые подарил ей на день рождения в прошлом году один из ее неудачливых ухажеров, бывший однокурсник, а теперь главный санитарный врач одного из маленьких заштатных городков Генка Капцев.

На экране седая мамаша со слезами на глазах обнимала двух наконец-то нашедшихся великовозрастных девиц-близняшек. Каролина, которая по своей природе была всегда

довольно сентиментальна, вдруг поймала себя на том, что ее не трогают экранные слезы. Ее собственная жизнь, как она случайно узнала совсем недавно, была намного круче любого сериала.

До четырнадцати лет она думала, что родилась в обычной, даже, можно сказать, счастливой семье. Многие ей завидовали. Папа – первоклассный хирург, мама – медсестра, у них отдельная трехкомнатная квартира, где, само собой, у Каролины была хоть маленькая, но своя собственная комната, машина, дача. В общем, полный набор интеллигентских благ. А когда отец перешел работать в частную клинику, они вообще ездили отдыхать в Турцию. Со стороны могло показаться, у них в семье царит полная гармония. Но Каролина чувствовала, и чем взрослее становилась, все более остро, что родители, особенно отец, порой относятся к ней, как к неродной. Ее успехи и маленькие победы отец воспринимал равнодушно, а мама, хотя и делала вид, что рада, особого значения им не придавала. Зато случайно разбитая чашка или пыль, которую Каролина забыла или не успела вытереть, приводила отца в ярость. И однажды он сгоряча обронил фразу, которая, можно сказать, ржавым гвоздем засела у Каролины в памяти. В тот раз отец вернулся с работы на час раньше. А она, придя со школы, вместо того чтобы вытереть пыль и полить цветы, надела мамино голубое атласное вечернее платье с вырезом на спине, в тон ему туфли на шпильке, накрасилась и, вообразив себя чуть ли не моделью, сначала долго крутилась перед зеркалом, а потом принялась выработать под музыку модельную походку «от бедра».

Каролина и подумать не могла, что все это время отец наблюдает за ней. И когда она, как ей показалось, особенно эффектно вильнула бедром, отец неожиданно заплодировал и, не скрывая сарказма, сказал:

– Ну вот, детка, и заговорила в тебе твоя дурная наследственность. Смотрю на тебя и вижу твою мамашку-кукушку.

Тут он вдруг как будто осекся. Но слово-то, тем более, фраза, не воробей, вылетит, не поймаешь... Не зря говорят, что у каждого в шкафу есть свой скелет. И когда дверцы шкафа случайно распахнешь, он, этот скелет, выпадает со страшным грохотом, он и придушить может, этот скелет. Дверцы их семейного шкафа распахнулись настежь, когда мама, как потом выяснилось, не родная ее мама, забеременела. Позже Каролина узнала, что забеременела она не естественным образом, а с помощью системы ЭКО. Так или иначе, период ее взросления совпал со временем ожидания их, ее приемных родителей, первенца.

Теперь, по прошествии стольких лет, Каролина порой сомневалась, а нужно ли было ей тогда, подростком, подслушивать родительский разговор, который, ясное дело, никак не был рассчитан на ее юные уши и ранимую душу. Но, как говорится, из песни слов не выкинешь.

В то воскресное утро родители, очевидно, думали, что она еще спит. А она, лежа в постели, через стенку слышала все, о чем они говорили на кухне. Первым завелся отец, почти выкрикнув:

– Ты не о ней, а о нашем ребенке теперь должна думать! Слышишь, о нашем!

– Но она же тоже наша... – проговорила мать.

– Да какая она наша! Я вчера слышал, как она тебе вечером нагубила! Разве человек с нормальной наследственностью может так разговаривать с матерью?! Я хотел вмешаться. Но ты же меня просила не вмешиваться... – продолжал наступать отец.

– Но ты пойми, ей ведь тоже нелегко. Она девушкой становится. Ей внимание наше нужно. Ведь у нее кроме нас никого нет. А тут еще ребенок должен появиться. Она инстинктивно старается отстоять свои права. Конечно, с ней непросто. Если у нее действительно родители не совсем здоровые люди были, это не может не давать о себе знать. Дурная кровь, если она есть в человеке, буквально распирает его изнутри... Он сам с собой никак совладать не может...

– Ну вот, ты сама все понимаешь. А хотела ведь их двоих тогда удочерить. Мать-героиня, – саркастически хмыкнул отец.

– Тише ты, – остановила его мать. – А что, если Каролина уже проснулась и нас услышит...

– Да успокойся, спит она, твоя Каролина. Во сколько она вчера вернулась?

– Около часа.

– Ага! И это в четырнадцать лет. А что будет, когда ей шестнадцать, восемнадцать стукнет... вот где она вчера шлялась?

– Да здесь, во дворе, с мальчишками в беседке сидела.

– В беседке, с мальчишками... – хмыкнул отец. – Ну-ну... Досидится.

– Да я ее не за то, что с мальчишками сидела, и даже не за то, что поздно было... Мне показалось, что она курила, и... пиво или что покрепче пила.

– Я же тебе говорю, яблочко от яблоньки недалеко падает... – проговорил отец.

Первым ее желанием тогда было вскочить, забежать в кухню и все там расколотить в пух и прах. Потом, укрывшись с головой одеялом, Каролина решила тихонько выскользнуть, навсегда уйти из вдруг ставшего ей чужим дома. Но уже через минуту и это ей показалось нереальным. Ведь у нее не было куда пойти или поехать и денег у нее не было. И она сделала вид, что ничего не слышала. Но окончательно замкнулась в себе и дома безразлично выполняла все, что от нее требовали. Родители эту перемену не заметили, точнее, заметили, но приписали ее тому, что мать не родила, потеряла с таким трудом зачатого ребенка. Хотели они того или не хотели, но им пришлось все свое внимание снова переключить на Каролину и с ней реализовать свои родительские амбиции. Каролина довольно прилично окончила школу. Поступила в мединститут. Неизвестно, как дальше сложилась бы ее жизнь, но через год родители погибли в автокатастрофе, так и не успев ничего рассказать ей о ее прошлом. Восстановив в памяти и сложив, как пазлы, обрывки случайно подслушанных фраз, Каролина пришла к выводу, что отец знал ее настоящую мать, возможно, как врач, даже лечил, оперировал ее. И была еще какая-то связанная с ее рождением тайна, разгадать которую теперь было невозможно.

Так или иначе, учеба тут же оказалась заброшенной, и Каролина начала новую жизнь. В ее полном распоряжении находилась неплохая квартира почти в центре Москвы, и не успела она дать объявление, нашелся квартирант, ее бывший преподаватель Дмитрий Михайлович Дрозд, которого ей, как говорится, сосватала соседка Лилька Пыжикова. Она с ним как раз крутила роман, а, проживая на одной лестничной площадке, ей было страшно удобно с ним встречаться.

В Дрозда, которого, несмотря на абсолютное отсутствие солидности, все называли Михальчем, молодого, подтянутого, в джинсах и кроссовках препода, кандидата медицинских наук, Каролина это хорошо знала, были тайно влюблены все первокурсницы. Говорили, что он несколько лет проработал в какой-то африканской стране и привез оттуда готовую докторскую диссертацию и кучу бабок. А поскольку он слыл ловеласом и Казановой, все были уверены в том, что и в Африке он не пропустил ни одной юбки. Он занимался врожденными патологиями, и поскольку эта тема в последнее время стала лакомым кусочком для журналистов, у него часто брали интервью, приглашали на радио и телевидение. А на студенческих капустниках девчонки распевали переделанную под него песню:

*Вы слышали, как поют дрозды?
Нет, не те дрозды, не полевые,
А дрозды, Михальча дрозды,
Африкой рожденные такие.*

Но еще когда Каролина училась в мединституте, Дрозда за взятки, которые он якобы брал за сдачу своего экзамена, со скандалом выгнали из мединститута. Но когда Пыжикова предложила Каролине взять его на квартиру, Дрозд уже устроился в какую-то частную клинику, и в общем-то, как поняла Каролина, жил припеваючи.

Как выяснилось вскоре, Дрозда и Пыжикову связывали не только и даже не столько любовные отношения. К Дрозду то и дело приходили какие-то люди, часто иностранцы, они о чем-то договаривались. Потом Дрозд часами сидел в Интернете, исчезал на неделю, а то и месяц, а когда возвращался, обязательно расплачивался с Каролиной за месяц-два вперед, угощал заморскими деликатесами, предлагал и Пыжиковой, и Каролине довольно приличные шмотки.

Интрига тянулась недолго. Однажды вечером, за бутылкой сладковато-терпкого южно-африканского красного вина, Пыжикова с Дроздом предложили Каролине присоединиться к их предприятию. Дмитрий Михалыч начал с того, что велел Каролине называть его Димой, а потом, окутывая ее профессиональным, соблазнительно-влекущим взглядом своих почти прозрачных, водянистых серо-голубых глаз, вкрадчиво проговорил:

– Я понимаю, что целыми днями бездельничать, сдавая такому, как я, приятному во всех отношениях идеальному соседу комнату, замечательно, но, как мне кажется, ты другого поля ягода. Мне кажется, ты любишь действовать, ты по природе своей авантюристка и смогла бы нам помочь. Даже не ради денег, а просто так, ради интереса... Ты не хотела бы поучаствовать в нашем бизнесе?

– Бесплатно? – удивилась Каролина и не преминула съязвить: – Только за то, что можно будет называть вас Димой?

– Да нет, это я шучу, что только ради интереса... – поспешил добавить Дмитрий Михалыч. – Твой труд будет оплачиваться, очень хорошо оплачиваться.

– И какой же это будет труд? – поинтересовалась Каролина.

– Ну, скажем так, творческий, – ответил Дмитрий Михалыч.

– Творчество я люблю, – пожала плечами Каролина, которая отлично понимала, что деньги, оставшиеся после смерти родителей, скоро окончатся, а богатый жених на горизонте не маячит, если, конечно, не считать Дрозда, которому, похоже, Пыжикова уже наскучила.

– Только есть одно условие... – сразу предупредил Михалыч.

– Какое такое условие? – насторожилась Каролина.

– Ни о чем не спрашивать и лишнего не болтать, – четко выговорил Михалыч, и в его глазах промелькнула стальная искорка.

– Ну, это уже целых два условия, – заметила Каролина.

– Но суть у них одна – меньше знаешь, крепче спишь... – включилась в разговор Пыжикова, до этого напряженно молчавшая.

– Да, Лиля, нам с Каролиной надо бы остаться, так сказать, тет-а-тет, – повернулся к ней Михалыч, – а ты, котик, иди в зал, посмотри телевизор.

Пыжикова слегка обиделась, но все-таки, недовольно подернув плечиком, вышла из кухни и даже прикрыла двери.

А Михалыч неожиданно схватил Каролину за руку и, приложив ее пальцы к своим губам, понизив голос, пылко заявил:

– Вы, Каролина, необыкновенная девушка! Я давно за вами наблюдаю и, кажется, уже влюблен в вас... Я уверен, вам ничего не стоит очаровать человека...

– Давайте ближе к делу, – сказала Каролина, освобождая руку и чувствуя, что сама незаметно подпадает под очарование Михалыча.

То, что предложил тогда ей сделать за приличные деньги Михалыч, напоминало дурацкий розыгрыш. Она должна была познакомиться с одной студенткой мединститута, у которой,

как показал на фотографии Михалыч, на левой руке от рождения было всего три пальца, и, пригласив ее в кафе, угостить не купленным, а своим соком.

– Сок я тебе дам, когда договоришься о встрече, – деловито окончил свою инструкцию Михалыч.

– А что с ней будет потом? – поинтересовалась Каролина и, не успев договорить, осеклась, наколовшись на леденящий взгляд Дрозда.

– Давай так, – сказал тот строго. – На первый раз я тебя прощаю. А в дальнейшем за каждый твой лишний вопрос буду вычитать штраф из зарплаты.

Назавтра Каролина, представившись корреспонденткой «Медицинского вестника», очень легко вошла в контакт с девушкой, пригласила ее в кафе, чтобы якобы поговорить о том, почему она выбрала профессию медика, и, пока они ожидали официантку, налила ей и себе соку. Сама пить его не стала, вышла в туалет. Все дальнейшее ее, как настойчиво предупредил Михалыч, не должно было волновать.

Когда Каролина выходила из кафе, двое парней уже усаживали почти невменяемую девушку в белую «ауди».

– Вот развезло, беднягу! – покачала головой стоявшая на остановке сердобольная старушка.

Каролине стало не по себе, и она вскочила в первый же подъехавший автобус.

В тот же вечер Михалыч отсчитал ей столько денег, что у Каролины чуть было крышу не снесло. Дальше все происходило по намеченному плану. У Михалыча, похоже, были какие-то завязки в клиниках пластической хирургии. Каролина пришла к такому выводу, потому что двое из троих девушек, с которыми Каролина под разными предложениями встречалась, готовились к операциям. Одна, чтобы удалить уродующее ее лицо огромное, на щеке родимое пятно, другая, чтобы убрать со спины густой волосяной покров.

В Киев Каролина с двумя студентами-медиками ездила для того, чтобы «опоить» шестипалую женщину. Правда, по условиям игры, которую они вели, ни в дороге, ни в поезде Каролина не должна была представляться своим именем и показывать, что знакома с ребятами.

Шестипалую киевлянку, с которой она должна была познакомиться, звали Татьяной, она была женой очень богатого и влиятельного бизнесмена господина Приходько. Как и почему ему вдруг захотелось взять себе в жены калекку, хотя, что греха таить, во всем остальном довольно эффективную женщину, осталось загадкой. Но поскольку его жену, госпожу Приходько, теперь, как и его, повсюду сопровождала охрана, войти с ней в контакт было непросто.

И Каролине пришлось даже устроиться к ним горничной, или, как теперь модно говорить, помощницей по хозяйству. Целую неделю она застилала постели, развешивала в шкафу разбросанные по всей квартире платья, вытирала пыль, пылесосила, мыла окна и драила джакузи и туалеты. Вывести госпожу Приходько в город, тем более, уединиться с ней где-нибудь в кафе, привести в дом незнакомых парней, было абсолютно нереально. Но, похоже, Михалыч не ошибся в Каролине. Она таки нашла выход, придумала просто гениальный по своему цинизму сценарий.

Сначала Каролина, которая привыкла все продумывать на несколько ходов вперед, дала понять господину Приходько, что у ее жены появился любовник. Тот, по природе своей будучи патологически ревнивым, и так приходил в ярость от каждого ее посланного не ему ласкового взгляда. А когда Каролина как бы случайно оставила у порога якобы выпавшую из мусора записку с признаниями-воспоминаниями, а жившие в одной из киевских гостиниц, приехавшие с ней вместе ребята начали позванивать и класть трубку, присылать букеты цветов и интимные подарочки типа комплектов эротического белья, господин Приходько поверил в существование вскружившего голову его жене незнакомца. Но вместо того, чтобы закатить скандал, он, улетаая на неделю в Майами, попросил Каролину присматривать за его женой и при этом обещал приплатить, если она о чем-то узнает. А Каролина тем временем убедил

госпожу Приходько, что им просто необходимо купить новый, более вместительный шкаф. А старый, ради экономии, не выбрасывать, а продать.

– С рабочими я сама договорюсь, – предложила она госпоже Приходько. – Ваш муж вернется из Майами, а у вас новый шкаф стоит. Будет ему сюрприз.

Потом они с ребятами разыграли целый спектакль с покупкой нового шкафа, выносом старого, в котором, само собой, уже была упакована выпившая сока госпожа Приходько.

Хозяин, вернувшись из Майами и узнав, что жены дома нет, впал в ярость, но, поскольку Каролина, потупив свои невинно-голубенькие ясные глазки и залившись румянцем, дала ему понять, что жена его попросту убежала со своим старым любовником, господин Приходько даже не стал подавать в милицию заявление о розыске. А знакомым и даже родственникам сказал, что жена его улетела в Майами, подлечиться.

Так что игра, хоть и отняла много времени, как говорится, стоила свеч.

К тому же, по дороге в Москву, все их старания, можно сказать, окупились вдвойне. Совершенно случайно, хотя, зная Михалыча, Каролина уже мало верила в случайные совпадения, с ними в купе оказалась девушка, у которой тоже было по шесть пальцев, только не на руках, а на ногах. И Каролина, назвавшись Милой, ни с кем не советуясь, на свой страх и риск, начала действовать. Сок с то ли усыпляющими, то ли парализующими добавками у нее еще оставался, ребята подзаработать никогда не отказывались, а девушка с милым именем Лиза Мальцева, хотя и училась на факультете журналистики, оказалась лопушистее некуда. Она так много выболтала, что было бы грешно не воспользоваться полученной информацией. Девушка ехала к какому-то, как сначала подумала Каролина, зажиточному москвичу, который, как она поняла, дочку своего старого товарища никогда не видел. Она везла ему редкую книгу, которая может стать гарантией абсолютного доверия. А дальше придется действовать по обстоятельствам. Пожилой одинокий мужичок с квартирой в центре Москвы – лакомый кусочек для охоты.

Так что в Москве Каролина, отправив ребят с «внезапно и надолго охмелевшей» своей случайной попутчицей на такси к Михалычу, сама под видом Лизы Мальцевой направилась к таинственному господину Градову.

К сожалению, ее радужные надежды не оправдались. У Градова, хоть и жил он, считай, в самом центре Москвы, кроме книг ничего не было. А книги Каролина считала мертвым капиталом. «Крутить любовь» с дочерью друга Градов, если бы и решился, то очень не скоро. А вот перезвонить другу в Киев или задать какой-нибудь каверзный вопрос ей самой он вполне мог. Поэтому, прихватив единственный с ее точки зрения заслуживающий внимания в квартире Градова предмет – серебряную табакерку с рубинами, Каролина поспешила ретироваться. Если даже Михалыч не захочет доплачивать за по собственной инициативе добытую ими девушку, у нее, Каролины, будет возможность при случае продать табакерку, и она останется не внакладе.

Теперь эта табакерка лежала на тумбочке у ее дивана. Камешки таинственно подмигивали под последними лучами редкого осеннего солнца. И даже из-под крышки вытекал густой терпкий аромат хорошего табака.

Когда Каролина два дня назад вернулась от Градова домой, Михалыч, как она поняла, уже уехал. В ванной не было ни его зубной щетки, ни его полотенца. Каролина сначала подумала, что причитающиеся ей и ребятам деньги он оставил Пыжиковой, но та тоже, видимо, куда-то уехала. Мобильник был отключен, а двери даже поздно вечером никто не открывал. Это, правда, показалось Каролине странным. Ведь если не сама Пыжикова, кто-нибудь же из родных должен был бы быть дома.

Телефоны парней, с которыми она ездила в Киев, тоже были отключены. А поскольку Михалыч умудрился перед ее отъездом не заплатить за комнату, Каролина поняла, что осталась без денег, хотя и выполнила по собственной инициативе задание в двойном объеме. Единственной надеждой была теперь табакерка с рубинами. Сразу продавать ее было жалко. И Каролина

решила заложить ее одному знакомому ростовщику Мише, у которого ей уже приходилось закладывать мамино золото. Миша брал относительно небольшие проценты. И самое главное, Миша мог определить истинную цену не только серебра, но и рубинов, если это действительно, как утверждал Градов, настоящие самоцветы.

Но отправиться к Мише она не успела. Кто-то настойчиво позвонил в дверь. Каролина остановила DVD-проигрыватель и, покосившись на себя в зеркало, запахнула потуже халатик и направилась в прихожую. Выглянув в глазок, Каролина едва не обомлела. На лестничной площадке стоял их участковый, с которым она уже имела честь общаться и после гибели родителей, и когда сдала комнату Дрозду. Соседи, вечно дежурившие на лавочке у подъезда бабушки-старушки, четко отследили, что Дрозд ухаживает за Пыжиковой, а поселился у Каролины, поэтому не иначе, как Каролина сдает ему комнату. И они тут же донесли об этом участковому. Но тогда им удалось выкрутиться. Пришла Пыжикова и, сразу разобравшись в чем дело, будучи первоклассной артисткой, высокомерно заявила, что Дрозд является женихом Каролины. А сама она втайне от родителей собирается замуж за богатого австралийца. И чтобы родители раньше времени об этом не узнали и не расстроили ее планы, она иногда «одолжает» у Каролины Дрозда. Так что, если бабушки-старушки видели их с Дроздом целующимися, то это был чисто театральный прием, все ради того, чтобы скрыть от них истину.

– Только ради бога, не проговоритесь... Вы же сам молодой человек... Вы нас должны понять...

При этом Пыжикова понизила голос и скорчила такую жалобную гримасу, что молоденький участковый пообещал ни слова не говорить ни ее родителям, ни соседкам. То есть соседкам он сказал, что все проверил и принял меры.

И вот теперь молоденький участковый с каким-то слишком уж сумрачным выражением лица снова звонил в ее двери. И Каролине почему-то показалось, что его неожиданный визит связан с Градовым, точнее, с той серебряной табакеркой, которую она у Градова забрала, или, называя вещи своими именами, попросту украла.

Можно было бы не открывать, но, похоже, участковый был на сто процентов уверен, что Каролина дома, и никуда уходить не собирался.

Каролина на цыпочках прошла в комнату, где только что смотрела фильм, взяла в руки табакерку, огляделась и ничего лучшего не придумала, как, приподняв сиденье дивана, опустить табакерку в ящик для белья и прикрыть ее сверху простыней.

Закрыв диван, Каролина вернулась в прихожую и еще раз выглянула в глазок. Участковый, очевидно, что-то услышал, потому что тотчас опять нажал на кнопку звонка.

Каролина вздохнула и открыла двери.

– Здравствуйте, – сказал участковый, даже не улыбнувшись, и добавил: – Можно войти?

– Проходите, добрый день... – ответила Каролина.

– Может, для кого-то этот день и добрый, – подтвердил участковый, переступая порог и захлопывая входные двери, – может, для кого-то и добрый, но только не для нас с вами, гражданка Стеблова...

– Можно просто Каролина, – стараясь преодолеть волнение, прервала его Каролина.

– Я не на свидание к вам пришел... – сохраняя строгость, продолжал участковый. – Когда вы в последний раз видели ваших соседей по лестничной клетке Пыжиковых?

– А что такое? – не поняла Каролина. – Что-нибудь случилось?

– Здесь я задаю вопросы... – оборвал ее участковый.

– Задавайте, – пожала плечами Каролина. – Только что ж мы в дверях стоим, может, на кухню пройдем.

– У меня, собственно, к вам один вопрос... – начал участковый.

– И какой же?

– Вы своих соседей давно видели?

– Каких соседей?
– Пыжиковых, – уточнил участковый.
– Давно, – кивнула Каролина. – Недели три назад. Я из Киева только что вернулась, а их никого нет.

– И вы не знаете, как их найти?
– Мобильный не отвечает, – вновь пожалла плечами Каролина.
– Ясно. А этот ваш квартирант, Дрозд, кажется, который не то с этой Пыжиковой роман крутит, не то с вами, на месте?

– Да нет, его тоже нет, – ответила Каролина, чувствуя, что ее охватывает неосознанная пока тревога.

– Странно... – пробормотал в задумчивости участковый.

– А что такое случилось? – спросила Каролина.

– Да соседи снизу жалуются. У них с балкона что-то капает... Вроде как кровь даже...

– Кровь?! – ужаснулась Каролина.

– Да вы так не пугайтесь, – постарался успокоить ее участковый. – Может, мясо или печенку купили, да на балконе и оставили. Но проверить, очевидно, придется... У вас ключа, случайно, от их квартиры нет?

– Нет... – покачала головой Каролина.

– А у этого Дрозда ключа не было?

– Нет.

– Вы точно знаете?

– Точно, – кивнула Каролина. – Зачем ему ключ был? Пыжикова же с родителями жила.

– Тогда вы будете понятой, придется вскрывать, – вздохнул участковый.

– Вскрывать? – удивилась Каролина. – А может, стоит подождать, может, они все-таки еще появятся?

– Дальше выходные, я к матери в деревню собрался, а соседи эти ваши, что снизу живут, между нами, такие липучие, они меня из-под земли достанут, – опять вздохнул участковый. – Так что я вызову слесаря и будем вскрывать.

Участковый позвонил в ЖЭС, и минут через пятнадцать на пороге квартиры появился пожилой мужчина со стриженными под ежик седыми волосами и чемоданчиком с инструментами.

– Что вскрывать? – спросил он.

– Да квартиру напротив, – кивнул участковый и, обращаясь к Каролине, попросил: – Пойдемте.

Каролина взяла ключи, взглянула на себя в зеркало и, покачав головой, вслед за слесарем и участковым вышла на лестничную площадку.

Замок поддался довольно легко. Но стоило им переступить порог квартиры, они в буквальном смысле слова задохнулись от тошнотворного гнилостного запаха.

Слесарь поспешил к выходу из квартиры, но участковый, затыкая нос, попросил:

– Мне нужны понятые.

Слесарь покачал головой и, тоже заткнув нос, вернулся.

Каролина же почувствовала, что ее вот-вот вырвет и побежала в ванну. И через мгновение оттуда раздался ее душераздирающий крик.

Участковый бросился за ней и увидел, что Каролина, едва переступив порог ванной комнаты, буквально осела на пол. В полной воды ванне лежало окровавленное тело пожилой женщины.

Участковый вытащил теряющую сознание Каролину в коридор, где переминался с ноги на ногу слесарь. Усадив девушку в кресло, участковый прошел через зал к балкону. Двери на

балкон оказались незапертыми. То, что он увидел там, повергло его в шок. На балконе один на одном лежали еще два трупа – пожилой мужчина и девушка.

Участковый вышел в коридор, и, обратившись, к находящейся в полубессознательном состоянии Каролине, спросил:

– Там в ванне была мать вашей подруги Пыжиковой?

Каролина кивнула.

– Вы не могли бы со мной пройти к балкону? – продолжал он.

Каролина, подняв на него полные ужаса глаза, молча встала и направилась к балкону. Но, едва взглянув на лежащие там трупы, побледнела и потеряла сознание. Участковый едва успел ее подхватить.

Глава 4

Пожалуй, всякий уважающий себя человек, обнаружив пропажу дорогой вещи, приложил бы все усилия, чтобы ее найти. И Алексей Градов отлично понимал, что стоит ему позвонить в Киев Мальцеву и, даже не намекая на исчезнувшую табакерку с рубинами, поблагодарить за книгу и попросить под любым предлогом помочь ему встретиться с его дочерью, наверняка, и, скажем прямо, недешевый сувенир из Африки будет найден, и гложущие его внутренние сомнения развеются. Но сначала он решил, что неожиданная гостя просто решила пошутить и спрятала табакерку так, что сразу не найдешь. А как следует поискать два следующих дня у него попросту не было времени. Его, как одного из самых опытных разведчиков, вызвали на сборы, которые проводились под Москвой, для консультирования нового пополнения. А со сборов давний друг Градова генерал ГРУ Анатолий Соловьев повез его к себе на дачу. Правда, точнее сказать это была не дача, а солидный загородный дом в одном из подмосковных коттеджных поселков, куда генерал с супругой перебрался несколько лет назад, продав городскую квартиру. Супруге с ее астмой находиться в Москве, особенно в летний зной, было смерти подобно. А сам генерал, подсчитав, что из-за города он доезжает на службу гораздо скорее, чем из одного конца забитой автомобильными пробками Москвы в другой, в прямом смысле этого слова вздохнул полной грудью.

Даже сейчас, осенью, они с Градовым, удобно устроившись в креслах под специально сделанным для барбекю навесом, пока доходили, источая изумительный аппетитный аромат печеночные и свиные домашние колбаски, могли насладиться вкусом армянского коньяка, выкурить по сигаре и в свое удовольствие полюбоваться осенним садом, послушать, как в звенящей вечерней тишине падают в траву яблоки.

– Хорошие здесь хозяйева до меня были. Весной, Градов, я налюбоваться на свой сад не могу. Правда, вот осенью с яблоками не знаю, что и делать... – вздохнул Соловьев. – Супруга моя и повидло из яблок варила, и сушила их... А они все падают и падают... Думаю, соберу и в один из подмосковных детских домов пару-другую мешков завезу.

– Да, это отличная идея, – кивнул Градов.

Соловьев, отложив сигару, пошел к барбекю переворачивать колбаски.

Они с Градовым были почти одногодками, но Соловьев, дослужившись до кабинетной работы, стал выказывать пристрастие к домоседству. А поскольку его жена Варвара Степановна была отменной кулинаркой, да и сам Соловьев любил повозиться на кухне или, как вот теперь с барбекю, округлый животик и чуть расплывшееся лицо, куда уж тут денешься, с двойным подбородком делали его чуть старше своих лет. Стригся он с ранней юности совсем коротко, ежиком, который теперь выглядел совсем седым. Однако, даже набрав вес, Соловьев оставался сильным и довольно подвижным мужчиной. Давала знать о себе связанная с риском для жизни, можно сказать, боевая молодость. Детей у Соловьевых не было, но они по этому поводу особенно не отчаивались, жили в свое удовольствие, любили собирать у себя друзей. Градов знал, что даже Мальцевы в прошлом году всем семейством гостили у Соловьевых. И его приглашали присоединиться к их компании. Но он тогда был очень занят ремонтом квартиры.

– А помнишь, мы тогда в Африке бананы вместо колбасы жарили? – вдруг вспомнил Соловьев, снимая готовые колбаски с барбекю. – Нам те бананы и еду, и воду заменяли.

– Да уж, было дело... – вздохнул Градов. – Мне порой даже не верится, что все это с нами происходило. Африка, океан, чернокожие туземцы, которые еще и воюют. Непонятно только, кто с кем и за что... Если бы не мы тогда, они точно один одного поубивали бы, изничтожили под корень.

– И заселили бы те земли дикие звери... – проговорил Соловьев, подливая коньяк.

– Не скажи, я думаю, там тут же объявились бы старшие братья американцы. У них нюх на золото и камешки. А там ведь просто копи Соломоновы... – покачал головой Градов.

Тем временем Варвара Степановна вынесла горячую картошку и соленые огурчики. Она тоже подобно мужу округлилась, но, как и в молодости, прямо-таки излучала доброту и спокойствие. Разложив картошку по тарелкам, она хотела уйти, но Соловьев, приобняв ее, попросил:

– Ты присядь, Варя, посиди с нами.

– Хорошо, только пойду пирог выключу – и к вам, – зардевшись согласилась Варвара Степановна.

– Так у нас еще и пирог будет? – улыбнулся Градов.

– А как же, с яблоками... – похвасталась Варвара Степановна и пошла в дом.

– Да, и ради чего мы тогда жизнью рисковали? Ведь все равно, почитай, все африканские богатства американцам достались, – возвращаясь к теме разговора, сказал Соловьев.

– А теперь еще сомалийцы корабли наши грабят. И опять же весь доход, я уверен, за океан, дядюшке Сэму сплавляют.

– Ну, теперь, при новом президенте Африка вообще может стать новым штатом США... – сыронизировал Соловьев.

– Да... ну, что теперь нас там никто не ждет, кроме пиратов, это точно... – поддержал его Градов.

– Ты, кстати, знаешь, что предводители сомалийских пиратов в СССР учились? – спросил Соловьев, задумчиво покручивая в руках бокал с коньяком.

– Слышал, но это же еще доказать нужно... – пожал плечами Градов.

– Да какие там доказательства... – досадливо поморщился Соловьев. – Украинские моряки, те, что с гражданскими грузами плавали в Аденском заливе и были в плену у сомалийских пиратов, в этом уверены. Этим «черным морским дьяволам» где-то около сорока-пятидесяти лет, они говорят по-русски, отлично знакомы не только с морским делом, но и с правилами ведения морского боя. Разведка у них поставлена так, что нам и не снилось. Главный упор они делают именно на разведку. Заранее точно знают, какое судно, с каким грузом будет идти у их берегов, чем можно будет там поживиться... А тактика у них вообще на грани фантастики...

– И где же у нас в советское время учили таким премудростям? – спросил Градов, потягивая коньяк.

– В Каспийском высшем военно-морском училище. Было время, когда там в год выпускали по восемьдесят сомалийцев – связистов, артиллеристов, штурманов...

– Ты хочешь сказать, что в Каспийском училище учили пиратствовать?

– Нет, конечно. Но нынешние пираты – отличные профессионалы. И применяют полученные когда-то знания по нужному им назначению.

– Я слышал, что весь штурм нужного им корабля с грузом иногда занимает всего минут пятнадцать... – вспомнил Градов.

– Представь себе...

– И как это им удается?

– Они используют три-четыре корабля-«матки», которые несут на борту моторные лодки.

– И что, эти корабли, как ты выражаешься – «матки», так трудно обнаружить?

– Практически невозможно. Ведь сомалийские пираты в отличие от своих предшественников-европейцев не вывешивают черный пиратский флаг с костями и черепом, они могут идти под флагом любого государства... А непосредственно захват судна происходит ночью. Лодки у сомалийцев пластмассовые или деревянные, поэтому их радиолокаторы «не видят», ведь сигнал отражается только от металла. Быстроходные катера идут на abordаж судна.

Пираты забрасывают на борт кошки и взбираются на корабль. Потом запирают команду в одной каюте, а сами занимаются грузом...

– И что они никогда не получали достойного отпора?

– Ну, во-первых, большие суда они не захватывают и отлично знают, что на гражданских судах оружия нет. Все, что может сделать команда, – это попытаться маневрировать, послать сигнал SOS или, в крайнем случае, попытаться сбить захватчиков напором воды из пожарных рукавов...

– Да, похоже, скоро сомалийские пираты станут для моряков проблемой номер один.

– Да уже стали, – покачал головой Соловьев. – Вон Мальцев в прошлом году летом приезжал ко мне, он сам с моряками разговаривал, теми, что в плену побывали. Говорят, на сегодня это самая страшная напасть у берегов Африки, и уже даже не только у берегов Африки.

– Вот и пирог поспел, – добродушно улыбнулась Варвара Степановна, ставя на стол еще дымящийся яблочный пирог.

– Мы твой пирог попробуем только при условии, что ты с нами посидишь, коньячку выпьешь, колбасок моих съешь, – заявил Соловьев, подавая супруге тарелку, вилку, накладывая картошку и колбаски.

Градов тем временем налил ей коньяку.

– За вас, ребята, – сказала Варвара Степановна, пригубила коньяк и добавила: – Я теперь за ваших учеников-курсантов, как когда-то за вас, переживаю. Теперь столько горячих точек...

– Горячие точки всегда были, – покачал головой Соловьев. – Только вот назывались они не точками, а спецзаданиями...

– Да, Градов, жалко, что вы в прошлом году, когда Мальцев к нам приезжал, не смогли к нам присоединиться. У нас тут просто вечер воспоминаний был. Мальцев перед своими Лизами, у него же и жена и дочь Лиза, так он перед своими Лизами как павлин хвост распустил... Столько всего я про своего Толика и про вас с Мальцевым узнала... Ну, просто не мужчины, а супермены какие-то.

– Лиза-младшая так на свою мать в молодости похожа! – вздохнул Соловьев. – Такая же темноглазая, смуглая, стройненькая, и волосы густые, темные...

– Это ты про кого сейчас говоришь? – не понял Градов.

– Про дочку Мальцева, Лизу...

– Про дочку Мальцева Лизу? – еще раз переспросил Градов и, помолчав, добавил: – Дело в том, что Лиза-младшая ко мне на днях приезжала, книгу привезла. Пятнадцатый том «Брокгауза и Эфрона». Представляете, Мальцев до сих пор помнил, как я очень хотел когда-то, когда мы еще курсантами были, купить в букинистическом магазине этот пятнадцатый том. И нам денег не хватило. А потом, когда мы денег одолжили, кто-то у нас просто из-под носу ее увел. Так вот она мне эту книгу привезла... Но, знаете, вы вот говорите, что Лиза смуглая, на мать похожа... А ко мне она, представьте, приехала блондинкой...

– Странно... – пожал плечами Соловьев. – Она, как мне показалось, так гордилась тем, что на мать свою очень похожа...

– Да, и мне странно... – кивнул Градов.

– Бедная Лизочка, – вздохнула Варвара Семеновна, – может, и не стоило говорить, но у нее же беда...

– Какая беда? – насторожился Градов.

– У нее от рождения на ногах по шесть пальцев, шестипалая она от рождения, – тихо проговорила Варвара Семеновна.

– Шестипалая?! – удивился Градов.

– Да. Представьте... Лиза, мать ее, считала, что это потому, что она в дни, когда на Чернобыле авария случилась, загорать ходила... А Мальцев о каких-то испытаниях, в которых он участвовал, говорил... Но они в прошлом году, когда к нам заезжали, Лизу на консультацию

возили. И вроде в этом году собирались операцию делать, – сказала Варвара Семеновна и добавила: – Так это же она на операцию, наверное, приехала. Только почему нам не позвонила? Ведь у нее в Москве никого нет. А после операции и поведать надо бы... И помочь ей...

– Может, постеснялась, – пожал плечами Соловьев.

– Вот еще скажешь, постеснялась, – поджала губы Варвара Степановна и, обращаясь к Градову, попросила: – Алексей, вы когда домой приедете, обязательно попросите Лизу нам позвонить. Или она уже в клинике?

– Да в том-то и дело, что я не знаю, где она... – пожал плечами Градов.

– То есть, как не знаете? – не поняла Варвара Степановна.

– Да вот так, она ночью ушла и даже записки не оставила...

– Наверное, не хотела, чтобы вы узнали, что она на операцию... – высказала предположение Варвара Степановна.

– Дело в том, вот вы говорите, что у нее шесть пальцев было на ногах...

– Да, я сама видела... когда мы в баню ходили... – кивнула Варвара Степановна.

– А я помню, точно помню, что у Лизы, или, точнее, теперь я думаю той девушки, которая почему-то назвалась Лизой Мальцевой, на ногах было по пять пальцев... – вздохнул Градов.

– Подожди, так к тебе кто приезжал, книгу привозил? – переспросил Соловьев. – Ты же говорил, что это Лиза Мальцева-младшая...

– Ну, да, – кивнул Градов. – Она сама мне так назвалась. Паспорт я у нее не спрашивал...

– Паспорт! А почему, когда она исчезла, Мальцеву сразу не позвонил? – взорвался Соловьев. – А что, если с ней что-нибудь случилось?

– С кем? С Лизой Мальцевой или с той девушкой, которая назвалась ее именем? – переспросил Градов.

– Похоже, случилось что-то и с одной, и с другой. Надо срочно перезвонить Мальцеву в Киев. Варя, принеси мне мою записную книжку, – попросил Соловьев жену.

Но когда Варвара Степановна пошла в дом, у Соловьева зазвонил мобильный. Это был сам Мальцев.

– Ну вот, легок на помине! – улыбнулся Соловьев и добавил: – Привет, Мальцев.

– Здравеньки булы! – отозвался Мальцев.

– Ну ты, друг, просто как чувствовал, – продолжал Соловьев. – Мы тут как раз с Градовым только что о тебе вспоминали...

– Привет ему от меня, – сказал Мальцев. – Мы тоже с Лизой сейчас о нем вспоминали. Дело в том, что Лизочка-младшая, дочь наша, в Москву несколько дней назад поехала, книжку должна была Градову передать. А у меня, как назло, его мобильного нет. А квартирный не отвечает.

– Да мы на учениях были, – объяснил Соловьев. – А после учений вот ко мне заехали.

– Так что, может, Лиза его не застала? А то она позвонить обещала, как только приедет. А от нее ни слуху, ни духу. И мобильник недоступен. Так получил Градов книгу или не получил? – продолжал Мальцев.

– Книгу-то он получил... – начал Соловьев.

– Так чего ж она мне не позвонила? – удивился Мальцев и попросил: – Дай-ка трубочку Градову...

– Але, – взяв трубку, отозвался Градов. – Привет, Гена. Спасибо тебе за книгу. Я был тронут до слез.

– Так Лиза тебя застала? – спросил Мальцев.

– Застала... То есть... Книгу-то я получил, а вот Лиза ли мне ее передала, не знаю...

– Как это не знаешь? – не понял Мальцев.

– Ну, вот твоя дочь, она блондинка или брюнетка? – спросил Градов.

– Ну ты даешь! Откуда у нас с Лизой может родиться блондинка?! А почему ты спрашиваешь?

– Подождите, у нас же фотография есть, – вспомнил Соловьев. – Они, когда в прошлом году приезжали, фотографировались.

Он встал и пошел в дом.

– Сейчас мне Толик фотографию Лизы принесет. И мы разберемся, что к чему... – сказал Градов.

– Она же не просто так в Москву. Ей на операцию нужно... – проговорил Мальцев растерянно.

И тут вернулся Соловьев с фотографией.

Градов лишь взглянул, и тут же понял, что у него в гостях была совсем другая девушка. Настоящая Лиза Мальцева была действительно удивительно похожа на Лизу-старшую, ту девушку, в которую был когда-то влюблен Градов. Она была темноглазой, темноволосой смуглянкой.

– Ну что там, чего ты молчишь?! – поторопил его с ответом Мальцев.

– Я не знаю, что тебе сказать... – пробормотал Градов и, цепляясь за последнюю надежду, спросил: – А твоя дочь случайно перед отъездом не красилась, не делала себе завивку?

– Ты что, вообще спятил?! – закричал Мальцев. – Она на операцию ехала. Какая завивка!

– Ну, значит, у меня в гостях была не твоя дочь... – вздохнул Градов.

– То есть как не моя дочь?! А книга?!

– Ты мне пятнадцатый том «Брокгауза и Эфрона» передавал? – уточнил Градов.

– Да, а что?

– Ну, значит, эта книга каким-то образом попала к самозванке. Она мне и историю нашу рассказала, про то, как мы когда-то купить эту книгу не могли... А потом купили...

– Ничего не понимаю... – еще больше встревожился Мальцев.

– Подожди. Ты говорил, что Лиза твоя на операцию ехала?

– Ну да...

– Перезвони-ка ты в клинику... Может, она просто не успела или постеснялась ко мне заезжать. И подружку свою послала...

– Какую еще подружку! – возмутился Мальцев, но, помолчав, добавил: – Однако позвонить в клинику стоит. Потом вам перезвоню.

– Да... Ничего не понимаю, – покачал головой Градов, когда Мальцев отключился, и, взглядываясь в фотографию, добавил: – Но ко мне точно приезжала не эта девушка...

– И что теперь делать? Где кого из них искать? – пожал плечами Соловьев.

Варвара Степановна, которая все это время настороженно вслушивалась в то, что происходило, предложила:

– Давайте-ка мы вместе завтра утром в клинику съездим, в ту, где Лиза Мальцева операцию делать собиралась...

– Нет, – покачал головой Соловьев. – Я сейчас же вызываю шофера и мы едем в город. Мальцев перезвонит, у него все узнаем и поедем.

Мальцев, позвонив доктору, к которому его дочь должна была явиться для консультации перед запланированной на завтра операцией, не на шутку встревожился.

– Это на нее совсем, совсем непохоже! Она не могла, даже не перезвонив ни нам, ни доктору, не явиться на консультацию! – не справляясь с переходящим в отчаяние волнением, кричал в трубку Соловьеву Мальцев.

– Да может, она просто встретила кого, загуляла... – попытался хоть как-то успокоить его Соловьев.

– Слушай, ты! – сорвался на крик Мальцев. – Ты думай, что говоришь! Лиза не может загулять!

– Ну, прости... – пробормотал Соловьев и добавил: – Мы сейчас с Градовым собрались ехать в клинику...

– Зачем?! – не понял Мальцев. – В милицию заявлять нужно!

– Да, конечно, мы заявим в милицию... – сказал Соловьев.

– Я вылетаю в Москву первым же рейсом, там созвонимся! – сказал Мальцев и отключился.

– Она не была в клинике и даже туда не звонила... – сказал Соловьев Градову и добавил: – Мальцев сказал, что ехать туда нет смысла. Я сейчас по своим каналам сообщу, пусть объявят девушку в розыск.

– Я думаю, нам все-таки стоит подъехать в клинику, – сказал Градов, беря в руки фотографию, на которой улыбалось счастливое семейство Мальцевых. – У меня есть кое-какие соображения.

– Да, я сейчас соберусь и поеду, – кивнул Соловьев.

– Мне, может, тоже с вами поехать? – спросила Варвара Степановна.

– Не стоит, – покачал головой Соловьев и, вздохнув, добавил: – И потом, если что-то случилось, Лиза будет сюда, к нам добираться... Ведь у нее, кроме нас, знакомых в Москве, насколько я помню, не было.

– Да-да, – кивнула Варвара Степановна, – я как-то об этом не подумала...

Когда Соловьев, в костюме и при галстуке, спустился с лестницы, у ворот их уже ждала черная «ауди».

В клинике пластической хирургии они застали лишь дежурного врача – высокого крепкого парня, который сидел в ординаторской и о чем-то оживленно беседовал с двумя молоденькими медсестричками.

– Простите, вам не знакома вот эта девушка? – спросил Градов, показывая фотографию. – Может, она недавно обращалась к вам за консультацией?

Молодой человек внимательно посмотрел на фотографию и покачал головой:

– Нет, ко мне она не приходила. А что у нее за проблема? С виду же у нее все в порядке.

– У нее шесть пальцев на ногах, – уточнил Градов.

– Погодите, – вдруг отозвалась одна из медсестер. – Покажите-ка мне.

Она всмотрелась в фотографию и проговорила:

– Ну да, точно. Она к Виктору Федоровичу, к Васнецову, за помощью обращалась.

– Недавно? – с надеждой спросил Соловьев.

– Да нет, уже с год назад. Но ей, по-моему, собирались операцию делать... Да-да. Виктор Федорович вчера мне говорил, что придется операцию отменять. Пациентка не явилась. Мальцева, кажется...

– Слушайте, просто нашествие какое-то... – пробормотала вторая медсестра. – Мне вчера в регистратуре какие-то братки фотографию оставили. Теперь вот вы...

– Подождите, – остановил ее Соловьев. – Какие братки, какую фотографию?

– А кто вы, собственно, такие? Почему вы этим интересуетесь? – вдруг насторожился доктор и строго добавил: – У нас вся информация конфиденциальна...

– У нас тоже, – кивнул Соловьев, доставая удостоверение.

– Ясно, – осекся молодой доктор. – Ну, тогда спрашивайте, что вас интересует.

– Вот вы, девушка, говорили, что к вам в регистратуру обращались с просьбой опознать кого-то по фотографии. Пожалуйста, расскажите об этом поподробнее, – попросил Соловьев медсестру.

– Ну да, вчера два здоровых таких амбала пришли и фотографию оставили. Просили, чтобы я, если такая девушка у нас нарисует, тут же им сообщила, и телефон оставили. Но та на вашу не похожа, совсем не похожа, ваша темненькая, а та кудрявая, беленькая...

– А где эта фотография? – спросил Градов.

- Да у меня в регистратуре. Принести? – спросила девушка, поднимаясь.
- Да, конечно, если можно... – попросил Градов.
- Сейчас, – с готовностью кивнула девушка и вышла из кабинета.
- Очень попрошу оставить нас в кабинете одних, – обратился Соловьев к доктору и второй медсестре.
- Хорошо, – пожал плечами доктор. – Толькождемся возвращения Лены и выйдем. Я не могу оставить в ординаторской посторонних.
- Все правильно, доктор, – кивнул Соловьев и повернулся к Градову: – Но эти амбалы, я так понял, искали не Лизу...
- Да... однако эта не-Лиза может оказаться... – начал Градов и добавил: – Впрочем, сейчас увидим.
- Медсестра, которую доктор назвал Леной, вернулась, протянула Градову фотографию. Доктор со второй медсестрой, не прощаясь, вышли из кабинета.
- Ну да, – развел руками Градов. – Как я и думал... Эта не-Лиза приходила ко мне под видом Лизы Мальцевой.
- Потом он еще пристальнее всмотрелся в фото и пожал плечами:
- Но она здесь не совсем на себя похожа... Что-то в ней не так... Хотя...
- А у вас телефонный номер, который вам молодые люди оставили, тот, по которому просили позвонить, сохранился?
- Да... – покраснела девушка. – Но они сказали, если дам кому, мне не жить...
- А вы и не давайте. Вы сами позвоните и скажите, что появилась эта девушка, в клинику к вам легла. Пусть проявятся. А уж мы их встретим, – предложил Соловьев.
- Девушка задумалась, а потом кивнула:
- Хорошо...
- Скажите, Лена, а почему эти, как вы выразились, амбалы, именно здесь, в вашей клинике, искали эту девушку с фотографии? – спросил Градов. – Ведь у вас не просто клиника. А клиника пластической хирургии...
- Ну... – замялась медсестра Лена. – Они сказали, что у этой девушки, с фотографии, есть проблемы... И она могла к нам обратиться за помощью.
- И какие же?
- У нее, как они сказали, по два соска на грудях было, – еще больше залилась краской медсестра Лена.
- По два соска? – пробормотал Градов, как бы что-то вспоминая. – Странно... я не заметил...
- А что, ты ее голую, что ли, видел? – усмехнулся Соловьев.
- Да нет... Но... – замялся Градов.
- Это очень редкая патология. И если бы девушка к нам обращалась, это было бы в компьютерных данных, – продолжила Лена.
- Ладно, но сейчас вы все сделайте, как мы просим, – сказал Градов. – И назначьте людям, которые интересовались девушкой, встречу.
- Где? – деловито спросила медсестра.
- Давайте в скверике у входа в клинику.
- А во сколько? – продолжала уточнять медсестра.
- Допустим, через час, – взглянув на часы, сказал Градов и подсел поближе, чтобы слышать весь разговор.
- Сначала долго никто не брал трубку. Потом отозвался хриплый, очевидно сонный мужской голос:
- Але, Боб у аппарата. Блин, не молчите! Кому там еще не спится!

– Простите, вы просили позвонить, если к нам обратится одна ваша знакомая... – начала, волнуясь, медсестра Лена.

– Какая еще знакомая?! Куда обратится?! – недовольно прохрипел мужчина.

– Ну... – замялась Лена и снова густо покраснела: – Та, у которой два соска.

Зависло молчание, но через некоторое время Боб заговорил, кривляясь и передразнивая медсестру:

– Да что ты говоришь?! Та, у которой два соска?!.. К вам обратилась? Прямо вот сейчас ночью?

– Нет, она пришла днем, но я только сейчас смогла вам позвонить... – попыталась выкрутиться медсестра.

– Что-то ты темнишь, детка...

– Да нет, правда, она завтра должна прийти на прием. В десять ноль-ноль... – продолжала сочинять медсестра.

Градов одобрительно кивнул.

– Да что ты гонишь?! – хмыкнул Боб.

– Ну да... – пожала плечами медсестра.

– Вот завтра на приеме и встретимся, – сказал Боб и добавил: – А сейчас я спать хочу. Все. Конец связи.

– Подождите, давайте лучше сегодня. Через час. В скверике у входа, – попыталась задержать его медсестра. – Вы же мне заплатите за информацию?..

– Слушай, детка, лучшей платой тебе будет жизнь. Но за правдивую, слышь ты, за правдивую информацию. А не за туфту, которую ты, не знаю с чьей там подачи, гонишь.

Градов взял листок бумаги и написал:

«Не заплатите за информацию, завтра вызову милицию».

Медсестра, прочитав, кивнула и срывающимся голосом заявила:

– Если вы мне сегодня не заплатите, я завтра в десять вызову милицию...

– Да, вижу, что у тебя там консультанты будь здоров, – проворчал Боб и добавил: – Ладно. В темноте даже будет сподручней.

– Что в темноте будет сподручней? – переспросила медсестра.

– Сама увидишь, – пообещал Боб и, как-то нехорошо гоготнув, отключился.

– Я так и не поняла, придет он или нет... – пожала плечами Лена.

– Придет-то он придет... – сказал Градов, поглядывая на часы. – Но как видно, не для того, чтобы дать вам деньги.

– Да зачем мне их деньги?! – возмутилась Лена. – Мне их деньги не нужны. Вы же меня сами попросили позвонить и назначить встречу.

– Да-да. И ровно через час вы выйдете через служебный вход в скверик.

– А вы? – настороженно поинтересовалась Лена. – А вы что же со мной не пойдете?

– Мы туда пойдем сейчас и, как только они появятся, встретим их, как полагается, – сказал Градов.

– Не переживайте, вы все время будете под надежной охраной, – успокоил ее Соловьев.

– Подождите, они же меня предупредили, что нельзя, что мне никак нельзя появляться с кем-нибудь. Иначе они меня... – вдруг опомнилась Лена.

– Да успокойтесь, вы ведь появитесь одна, – покачал головой Градов.

– До встречи! – кивнул головой Соловьев и, взглянув на часы, добавил: – Вы только смотрите, Леночка, не засните. Ровно через сорок минут вы должны выйти в сквер.

– Да-да, – подтвердила Лена, едва сдерживая волнение. – Я помню.

Градов и Соловьев вышли в коридор. Доктор со второй медсестрой, как оказалось, ожидали на диванчике у окна.

– Теперь, наконец, надеюсь, мне можно вернуться в ординаторскую? – строго и чуть обиженно спросил, поднимаясь навстречу, доктор.

– Да, конечно, – кивнул Соловьев.

– Ну, спасибо! – все еще не скрывая обиды, поклонился доктор, направляясь к кабинету. Медсестра тоже встала и направилась за ним.

– Только очень вас попрошу, – предупредил их Соловьев, – Лену ни о чем не спрашивайте.

– Ну, конечно, а как же, мы понимаем, военная тайна, – продолжал ерничать доктор.

– Всего вам доброго, спасибо за помощь, – стараясь снять напряжение, проговорил Градов.

– Служу Отчизне, – хмыкнул доктор, пропуская вперед медсестру и захлопывая за собой двери.

В пустом полутемном коридоре этот стук прозвучал как выстрел.

Градов вздрогнул и покачал головой.

Они направились к обозначенному зелеными светящимися буквами «служебному выходу». И хотя и один, и другой старались ступать как можно тише, каждый их шаг отзывался гулким эхом. А это, хочешь не хочешь, напрягало.

На улице было промозгло и туманно, горели несколько дежурных фонарей. Но они выбрали уголок потемнее. Соловьев первым достал сигареты, и они закурили.

– Не забудь выключить мобильник, – предупредил Градов, переводя свой в виброрежим.

Соловьев только кивнул. Он это проделал еще тогда, когда они шли по коридору. От места, где росла густая елка, в тени которой они так удачно спрятались, отлично просматривался подъезд к воротам и калитке, которая, как и ворота, на ночь закрывалась, и освещенная фонарями дорожка к дежурному входу.

Градов, докурив сигарету, осмотрелся и знаком показал Соловьеву, чтобы тот оставался на месте, а сам метнулся к ограде и, перескочив через нее, растаял в темноте. Что-то подсказывало ему, что так будет удобнее запеленговать Боба и его подельников.

Через некоторое время на крыльце у служебного входа появилась медсестра Лена. В свете фонаря было отлично видно, что белой шапочки она не снимала, и куртку накинула прямо на белый халат.

Лена минуту постояла, переминаясь с ноги на ногу, а потом, оглянувшись, подошла к первой скамейке.

На улице было тихо. И вдруг послышался шум подъезжающей на высокой скорости машины. И почти в ту же минуту воздух рассекла вереница пуль автоматной очереди и раздался резкий вскрик Градова:

– Ложись!

Соловьев, который не упускал из виду и ворота, у которых только что притормозил джип, и Лену, буквально оцепеневшую от ужаса, успел до двух следующих, уже одиночных выстрелов повалить ее на землю и прикрыть своим телом.

Тут же послышалась отборная брань и резкая команда Градова:

– Сдавайтесь! Вы окружены.

В ответ раздался трехэтажный мат, а потом глухой удар.

– Градов, тебе подкрепление надо? – крикнул Соловьев, вслушиваясь в тишину и делая знак Лене отползти в тень.

– Если к тебе повезем, то в машину загрузить надо, пока не пришли в себя, – крикнул Градов.

– Лена, поедem с нами. Так будет безопаснее, – сказал Соловьев, помогая девушке встать.

– Я должна предупредить дежурного врача... – пролепетала девушка.

– По дороге позвоним, – строго сказал Соловьев и потянул ее к выходу.

Возле джипа на асфальте валялись, безвольно раскинув руки, два здоровенных наголо стриженных бугая в черных кожаных куртках.

– Ты их хоть не до смерти? – с тревогой и одновременно с нескрываемой радостью спросил Соловьев.

– Таких убьешь! – покачал головой Градов и, обращаясь к Лене, спросил: – Который из них Боб?

– Вот этот... – тихо ответила Лена, кивнув в сторону одного из лежащих на асфальте, самого здорового.

– Зови своего шофера, повезешь с ним этих подонков в их джипе к себе. А мы с Леной на вашей машине следом. Только руки им и ноги покрепче свяжите.

– Есть, товарищ командир, – отсалютовал Соловьев, чуть улыбнувшись, но, делая вид, что готов подчиняться Градову беспрекословно.

Соловьев отлично знал привычку Градова в экстремальных условиях брать командование на себя. Еще в далекой молодости они все поняли, что это идеальный вариант. Градов соображал значительно быстрее, умел мгновенно принять необходимое и единственно правильное решение.

И сейчас Соловьев, не затягивая время, исполнил его не то приказ, не то просьбу.

Соловьев почувствовал себя чуть свободнее только тогда, когда уже у него в служебном кабинете дежурный охранник принес и надел на руки обезвреженным «браткам» стальные наручники.

Боб, который еще в машине пришел в себя, сидел тихо и, очевидно, осознавая всю, мягко сказать, сложность своего положения, теперь только изредка бросал ненавидящие взгляды на Лену.

Градов, который пока Соловьев раскладывал у себя на столе какие-то бумаги, устроился рядом с Леной, буквально кожей чувствовал, как неуютно здесь девушке.

– Лена, – наконец не выдержал он. – Посидите пока что в коридоре.

– Да-да, – согласился Соловьев и, обращаясь к дежурному, попросил: – Сделайте ей там чаю. А то девушка сегодня пережила колоссальный стресс.

На что Боб еще больше набычился и начал наливать краской.

Лена тут же встала и поспешила выйти в коридор. Вслед за нею, отдав честь, вышел дежурный.

– Ну что, братки, будем сами колоться или нам вас колотить? – поинтересовался Соловьев, обращаясь к лысым парням в черных косухах.

– И чем это вы нас, интересно, колотить собираетесь? – хмыкнул Боб.

– Щелкунчиком, щелкунчиком... – в тон ему ответил Соловьев и добавил: – А если серьезно, то нам нужны не вы, а девушка, которую вы хотели найти в клинике.

– Мадлен? – уточнил Боб.

– Может, и Мадлен. Мы же не в курсе, под каким именем она вам известна, – продолжал Соловьев. – Только давайте сразу договоримся: будете отвечать честно, оформим явку с повинной. А если нет, за вооруженное сопротивление органам огребете по полной...

– А что отвечать, начальник? Спрашивай, мы ответим... – неожиданно отозвался тот, что сидел рядом с Бобом.

– Слышь, ты, Витек, заткнись, – осек его Боб. – Ты все равно ни фига не знаешь. Я буду отвечать. А ты молчи. Спрашивай, начальник, – обратился он к Соловьеву.

– Хорошо. Вопрос первый. Почему вы вдруг решили искать эту, как вы ее назвали, Мадлен именно в этой клинике? – спросил Соловьев.

– Да телефончик у нее этот нашли. Боялись, что она фишки свои решила изничтожить... – ответил Боб. – Ну, у нее по два соска было...

– Хорошо, так, а почему, когда медсестра вам перезвонила и сказала, что завтра Мадлен будет в клинике, вдруг решили ее убрать? Чего вы стрельбу устроили? – включился в разговор Градов. – Денег, что ли, пожалели?

– При чем тут бабки! Просто мы, когда эта вот позвонила, сразу поняли, что развести она нас хочет, – вышел из себя Боб.

– Почему развести? – переспросил Соловьев.

– Потому что Мадлен не могла бы завтра появиться в клинике, – твердо сказал Боб.

– И откуда такая уверенность? – уточнил Соловьев.

– Да она уже давно как в пути, в море-океане...

– Как это давно? – перебил его Градов. – Мадлен, эта девушка с фотографии, которую вы показывали медсестре, буквально пару дней назад была у меня. Она из Киева приехала...

– Из какого Киева?! – возмутился Боб. – Она у нас на вечеринке была. Но потом ее отправили...

– Куда отправили? – попытался уточнить Соловьев.

– Это ни нас, ни вас не касается, – сказал, как отрезал, Боб. – Главное – здесь она завтра появиться не может.

– Но вы же сами принесли эту фотографию и просили найти девушку... – начал Градов.

– Когда мы приносили фотографию, мы думали, что Мадлен здесь, – включился в разговор Витек.

– А теперь мы в курсе, что Мадлен нет и в ближайшее время не может быть в городе, – добавил Боб.

– Но вы же можете связаться с теми, кто знает, где сейчас Мадлен... – сказал Соловьев.

– Могли, могли связаться. Фирма была самая надежная по поставке телок, – проговорил Боб и его глаза опять начали наливаться кровью, – а теперь их ищи-свищи... Мы, когда Мадлен прямо с нашего корпоратива, из баньки исчезла, хотели отыскать эту фирму. Но телефон уже был недоступен.

– И вы решили сами искать Мадлен? – продолжал Соловьев.

– Да, – кивнул Боб.

– И пошли в клинику? – добавил Соловьев, который спешил поскорее добраться до сути.

– Ну да, – опять кивнул Боб и замолк.

– Слушай, не зависай, давай чуть живее, – поторопил Соловьев. – И почему вдруг теперь вы уверены, что Мадлен нет в городе и что она вообще где-то плавает?

– Да в баню мы ту опять пошли. Ну, с банщиком насчет Мадлен базар вышел. А он только хмыкнул так нагленько. Говорит, Мадлен, мол, ваша уплыла. На белом корабле в светлое будущее. Вот и все. А тут ваша подстава звонит. Говорит, мол, Мадлен к ним в клинику приходила. Ну, мы банщику это все выложили. А он говорит: «Менты вас развести хотят. Не суйтесь».

– Так чего ж вы сунулись? – спросил Соловьев.

– Да не хотелось свидетелей оставлять. Она ж нас запомнила. Да и уговор не выполнила. Вам звякнула, – пожал плечами Боб.

– Ну, допустим, на нее мы сами вышли, – сказал Соловьев, – а вот насчет Мадлен...

– А этот ваш банщик не мог вас развести? – спросил Градов. – Я почти на сто процентов уверен, что именно, как вы утверждаете, Мадлен приходила ко мне несколько дней назад.

– Мы вот что, распечатаем и развесим по городу ее фотографию. Вдруг кто видел, – сказал Соловьев.

– Вешайте, – скептически хмыкнул Боб.

– А как нам банщика найти? – продолжал Соловьев.

– Ну, вот это у вас не получится, – сказал Боб. – Банщик уже свалил в теплые края. Надолго, а может, и навсегда. Он сам хвастался, что тех бабок, которые он поймел за Мадлен, ему надолго хватит.

Глава 5

Лизе Мальцевой, когда она поняла, что находится в трюме корабля и ее везут неизвестно куда и неизвестно для чего, казалось, страшнее быть не может. Но впереди ее ждали еще более страшные испытания.

Когда к женщинам спустился молодой человек в белом халате, марлевой повязке и стерильных перчатках, которого двое охранников – Витек и Гриня называли Михалычем, Мадлен, окинув его оценивающим взглядом, сбросила куртку и, расправив блестящие рюши своего декольте, резко изменив тон, ласково проворковала:

– Скажите, доктор, куда нас везут? Ну, хотя бы намекните...

Доктор отвел взгляд, покачал головой и как можно строже спросил:

– Кто у вас здесь болен?

– Вот она, эта стриженная мадам в углу, – уловив, что доктору, во всяком случае пока что, не до нее, вздохнув, сказала Мадлен. – Она очень серьезно больна. Похоже, у нее холера или что-нибудь пострашнее.

Доктор подошел и наклонился к женщине, которая уже и стонать перестала. Он взял ее руку, прослушал пульс, потом крикнул тем, что были наверху:

– Витек, спусти мне чемоданчик.

– Я сброшу? – ответил, заглянув в лаз, Витек.

– Ни в коем случае! – остановил его Михалыч. – Спустись с ним. А то там все разобьется.

Мне укол срочно сделать надо.

– А она не заразная? – настороженно спросил Витек.

– Заразная, не заразная! Мы такой великолепный экземпляр потерять можем! – недовольно воскликнул Михалыч.

– Экземпляр... – пробормотал осевшим голосом Витек, медленно спускаясь вниз. – А если я заражусь...

– Ты давай скорей, а то без бабок останешься! – пригрозил Михалыч.

– На хрен мне мертвому бабки! – хмыкнул Витек, но спустился.

Был он чуть выше ростом Михалыча, худощавым, но жилистым, сильным. На нем были камуфляжные штаны, черная майка-соколка и камуфляжная куртка.

– Да скорей ты! – подогнал его Михалыч, забирая чемоданчик.

Витек отошел от больной подальше, а Михалыч сноровисто открыл чемоданчик, достал какое-то лекарство, одноразовый шприц и, оголив неподвижно лежащей женщине руку, сделал ей укол.

Та вздрогнула, чуть пошевелилась и застонала.

– Вот так-то лучше будет... – пробормотал Михалыч.

Лиза и Мадлен настороженно наблюдали за всем, что происходило.

– Ну что, девчонки, кому еще укольчик поставить? – сказал Витек, поигрывая использованным шприцем, который ему отдал Михалыч.

– Ты, герой, выбрось шприц в пакет и руки спиртом ополосни, – приказал Михалыч, доставая из чемоданчика и протягивая Витьку бутылку со спиртом.

– Ну, вот это дудки! – сказал Витек и ухмыльнулся: – Как внутрь принять, так у него спирта нет. А как руки мыть, пожалуйста...

– Слышь, ты, не выкобенивайся, а! – не скрывая раздражения, резко сказал Михалыч, отходя подальше от больной женщины, которая застонала еще громче и попросила:

– Пить... Пить...

Лиза с готовностью схватила стоящую на полу бутылку с минеральной водой и протянула ее доктору.

Тот кивнул и, всучив наконец бутылку со спиртом Витьку, который, покачав головой, все-таки пошел дезинфицировать руки, забрал у Лизы бутылку с минералкой, открутил пробку и подал воду женщине, которая чуть привстала.

– Что с ней? – поинтересовалась Лиза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.